

Чтобы родиться вновь

Марина Беликова

Марина Беликова

Чтобы родиться вновь

«Издательские решения»

Беликова М.

Чтобы родиться вновь / М. Беликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853983-1

На пятерых людей совершены нападения в разных местах, в одно и то же время. Журналист Кевин Райт и молодой доктор Лора Дженнингс расследуют дело о нападениях, все глубже погружаясь в загадочный мир ритуалов перерождения...

ISBN 978-5-44-853983-1

© Беликова М.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чтобы родиться вновь

Марина Беликова

© Марина Беликова, 2017

ISBN 978-5-4485-3983-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Лора всегда считала себя особой не из пугливых. Ей казалось: случись с ней что, непременно будет к этому готова и не позволит страху сковать ее душу и тело. Она испытывала страх и страдания каждый день на работе. И не один год ей потребовался, чтобы, уходя со смены, научиться оставлять эти переживания за дверью. Благодаря тому, что постоянно повторяла себе: плохое случается не с такими, как она, оно происходит вокруг, но не внутри плотного кольца, где есть только те люди, которым можно доверять.

До сегодняшнего вечера так и было... До сегодняшнего.

– Доктор Дженнингс! Доктор!

Лора очнулась от размышлений.

– Да, я с ними поговорю, – ответила она на настойчивый оклик медсестры и с тоской подумала, что сейчас будет сообщать неприятную новость родственникам погибшего и пытаться при этом не расплакаться.

«Вот так всегда! Пять лет в скорой, а так и не научилась хладнокровно сообщать новость о смерти. Господи, ну разве можно к этому привыкнуть!» – в сердцах упрекнула себя доктор.

Коридор показался ей длинным. Она неотрывно смотрела на черно-белый кафельный пол, на котором, как маяк, мелькали белоснежные тапочки медсестры, стремящейся вперед шагом человека, уверенного в том, что делает. Хотелось бы и Лоре быть такой же уверенной: ни в чем не сомневаться и справиться с единственным желанием, которое неотступно преследовало ее в данный момент. А именно – свернуть, спрятаться, убежать. Но уже через минуту она стояла перед пациентами, которые смотрели на нее так, что, казалось, от такого взгляда могут вырасти крылья за спиной. Едва с уст доктора сорвались медицинские термины, как выражение надежды в глазах людей, еще тридцать секунд назад смотревших на Лору как на Господа Бога, сменилось выражением отчаяния, безнадежности, отрицания происходящего и страха... Лора про себя подумала, что, пожалуй, люди постоянно боятся. Боятся, что что-то случится с ними или с их близкими, и тогда будут обречены на одиночество. Или, возможно, они навсегда потеряют то, что так долго искали, чего так долго добивались... Наверное, именно страх заставляет нас двигаться дальше, когда кажется, что все потеряно.

– Мы сделали все, что смогли, – тихо произнесла доктор Дженнингс, старательно отгоняя тревожные мысли. Сколько же раз она повторяла эту фразу?!

– Мы сделали все, что смогли, но мистер Бент получил травмы, не совместимые с жизнью, мы боролись за него...

– Боролись?! – взвизгнула обезумевшая вдова. – Боролись? Но почему он лежит там, на столе, почему же он ничего нам не сказал, почему не остался дома, зачем ему надо было ехать в эту дыру, зачем?! – ее голос постепенно становился все тише и глуше, а звонкий визжащий плач превращался в глухой хрип. Женщина взламывала руки как бы в молитве и снова их опускала, рядом с ней неподвижно сидела молодая девушка, по всей видимости, дочь погибшего. Она не проронила ни слова, ни слезинки за все то время, пока ее мать билась в истерике, она только сидела в кресле и смотрела немигающим взглядом на муху, одиноко ползающую на окне. В глазах девушки стояли слезы, но, оцепенев от сковавшего все ее тело паралича, она не могла даже плакать, как будто боялась, что, сделай хотя бы одно движение – случится что-то непоправимое.

Лора с грустью подумала, что для скорбящего такая реакция наиболее опасная. Необходимо кричать, биться в истерике, говорить о горе, плакать. Если понадобится, даже вмазать кому-нибудь – как говорится, выпустить пар. Но ни в коем случае не держать в себе это и не замыкаться, иначе можно взорваться изнутри, и никто этого не поймет, пока не найдут

твое бездыханное тело и аккуратно сложенную записку, в которой будут только слова сожаления и прощания.

Лоре нужно было как-то помочь им справиться с горем, так внезапно свалившимся на них. Но как?! Какие слова можно подобрать в данной ситуации? Лора прокручивала в голове различные варианты, но смогла выдать из себя только:

– Мне очень жаль, я искренне сопереживаю вашему горю. У нас есть психиатр. Позвольте представить вам доктора Ленич, она вам поможет.

Лора чуть заметным кивком головы подала знак женщине, стоявшей в дверном проеме, все это время наблюдавшей происходящее в комнате.

– Спасибо, доктор Дженнингс, я позабочусь об этих людях, – чуть прищуриив глаза, психиатр медленно пересекла комнату и тихо шепнула Лоре: – Не беспокойтесь, можете идти.

– Если понадобится моя помощь, звоните в любое время, – Лора протянула вдове свою визитку и, внимательно посмотрев на девушку, так и не очнувшуюся от оцепенения, вышла из комнаты.

– Все, Алекс, я уйду, моя смена закончилась час назад, – сказала Лора стоявшему в коридоре регистратору, – забудь номер моего пейджера и вообще забудь о моем существовании.

– Ну, док, это будет трудно сделать, однако за маленькое вознаграждение я готов и не на такое.

– Вот шантажист чертов! Что ты подразумеваешь под словом «вознаграждение»? Что твоя большая фантазия тебе уже нарисовала? – Лоре всегда становилось не по себе от этого самодовольного прыщавого юнца, у которого, несмотря на отталкивающую наружность, было такое большое эго, какого не было, пожалуй, ни у одного голливудского актера.

– Лора, это может быть просто ужин при свечах с продолжением, – Алекс хитро улыбнулся, обнажив свои желтые, далеко не идеальные зубы, – только ты и я...

– Доктор Дженнингс, Алекс. Лорой я тебе не разрешала себя называть, – спокойно ответила девушка.

– Как скажете, док, – томно пробормотал юнец, провожая девушку долгим взглядом.

– Как скажете...

***

Стояла холодная морозная ночь. Лора любила такие ночи: нет ни туч, ни ветра, сверху лишь глубокое звездное небо, а под ногами скрипит снег. Издалека слышен вой сирен – шум большого города. Вокруг – ни души, только неподвижные деревья под слоем белого пушистого снега, шапкой лежащего на ветвях. Изредка навстречу попадались одинокие люди, они спешили с работы домой или просто прогуливались неспешным шагом по морозному парку. Девушка шла медленно, наслаждаясь тишиной и свежим ледяным воздухом, слегка отдававшим запахом свежего хлеба, который готовили в маленькой уютной кондитерской неподалеку от больницы. Ей нравилось ходить пешком – в эти минуты она могла обдумать многое, помечтать, вспомнить что-то приятное или посмеяться над своими порой глупыми мыслями. Здесь, на этой дорожке, никто на тебя не смотрит, никому не надо улыбаться, если не хочется, и тем более не нужно принимать решений, которых от тебя все ждут. Просто идешь вперед, и все.

– Да, вперед, и все, – пробормотала про себя Лора.

Треск сломавшейся ветки внезапно пронзил ночную тишь. Лора вздрогнула и резко обернулась.

– Кто здесь? – громко выкрикнула она и начала озираться по сторонам. – Кто здесь? – повторила Лора и с тревогой стала вглядываться в ночную темноту. Постояв так с минуту и немножко успокоившись, она продолжила путь, судорожно оборачиваясь и ускоряя шаг.

«Трусиха, – шепнула с улыбкой девушка себе, – тоже мне бесстрашный доктор». Но на этот раз она отчетливо почувствовала, что за ней кто-то идет, причем это были не просто

шаги спешащего человека или прогуливающегося в парке одинокого прохожего, за ней кто-то крался, исподтишка выслеживал там, за деревьями.

– Предупреждаю, я звоню в полицию! Я не шучу! – все еще надеясь, что это просто ее галлюцинация, Лора стала шарить в карманах пальто в поисках телефона.

– Где же он? – в отчаянии подумала Лора, – ясно же помню, что положила его в карман.

Продолжая обыскивать карманы и сумку, она прибавила шаг и уже почти побежала, оставляя позади мелькающие ветви деревьев. Вдалеке отчетливо виднелась станция. Там ее ждала электричка, которая увезет в теплый безопасный дом прочь от этого темного места. Лора обернулась и совсем рядом увидела глаза, полные ненависти, безумия и решимости.

– Что за черт?! – вскрикнула Лора, замахнувшись рукой, но резкая боль в боку пронзила ее тело. Испуганно закричав, девушка упала на землю, на мгновение потеряв сознание. Когда она открыла глаза, увидела мужчину, который склонился над ней и смотрел не отрываясь.

Опять этот взгляд! И тут Лора почувствовала не просто боязнь за свою жизнь, от мыслей о том, что сделает ей этот человек, а ужас, почти первобытный страх, и он был порожден этим испепеляющим пристальным взглядом.

– Ну что ты, детка! Не бойся, – склонившись над девушкой, прохрипел незнакомец, – тебе не надо бояться, ведь страх застилает нам глаза, не правда ли?

– Помогите, – попыталась закричать девушка, но вместо крика из ее глотки вырвалось хрипкое мычание. – Что вы от меня хотите?! – прошептала она, – деньги, документы, сумку, все заберите.

Незнакомец, хищно улыбаясь, отрезал:

– Ну-ну, детка, не нужны мне твои гребаные деньги, отдай то, что у тебя есть, отдай, ведь это тебе не принадлежит.

– О чем вы говорите?! – Лора была в отчаянии, – что вы имеете в виду? Что это за вещь?

– Вещь?! – взвизгнул мужчина, изменившись в лице, – как ты можешь называть это вещью?! Не заставляй меня это делать! – крикнул мужчина и, вскочив, стал нервно ходить из стороны в сторону.

– Да, у него крыша не в порядке, – подумала Лора, медленно вставая с земли. – Послушайте, я думаю, это все большое недоразумение, я сейчас возьму свою сумочку, и мы вместе посмотрим, что вы можете себе взять, я доктор, я вам помогу, мы вместе разберемся.

Мужчина резко обернулся.

– Вздумала меня лечить, док? Думаешь, я не в своем уме? Что дальше? Хочешь что посоветовать? – он истерически рассмеялся. – Не пойдет, док, здесь я контролирую ситуацию. Я, а не ты! И электрошокер в твоей сумочке не поможет!

Лора удивленно раскрыла глаза.

– Что, Дженнингс, не думала, что я в курсе этого? Я знаю, кто ты такая, и знаю, что никто здесь не придет тебе на помощь, слышишь – никто! – закричав, мужчина со всей силы ударил Лору в живот, отчего та сложилась вдвое.

– На помощь, – прохрипела девушка и рванула от незнакомца прочь. Она неслась в темноту, не соображая, куда бежит. Вдруг сзади незнакомец прыгнул на нее и повалил на землю, придавив хрупкую девушку всей массой своего тела.

– Вздумала играть со мной, Дженнингс? – медленно поднимаясь, оскалился псих. – Я тебя все равно накажу, тебе от меня не укрыться! – незнакомец начал пинать изо всех сил Лору в живот, затем, схватив за волосы, ударил головой о землю, отчего Лора на миг потеряла сознание. Она никогда не испытывала столько боли, эта боль была пронзительной, охватывала все тело, вытесняя все другие ощущения. И вдруг ей стало все равно: все равно, что это был за человек и что он так настойчиво от нее требовал, и проснется ли она завтра или навсегда уснет в этом холодном парке. Она смирилась.

– Ты проиграла, Лора Дженнингс, – подумала девушка, – ты проиграла!

Яркий, ослепительный свет, голоса, вторившие эхом в голове, металлический привкус во рту и боль – проникающая, казалось, во все уголки тела. Лора ползла по мягкому снегу, медленно приближаясь к свету, как мотылек, только тот, пересекая звездное небо, преодолевает большие расстояния, Лоре же давались лишь метры. Девушку душили слезы, глаза застилала кровь из рассеченного лба, переломанные пальцы цеплялись за листву, лежащую под тяжелым слоем снега. Все, что было ниже шеи, выкручивало, ныло, и каждая попытка подняться с холодной земли приносила жуткую боль, в голове все кружилось, тошнило.

За Лорой тянулся ярко-красный шлейф, обагривший открытую снегом землю.

– Лучше погибнуть, сгинуть, чем терпеть эту боль, – обессилев, подумала Лора и, уткнувшись в рукав пальто, заплакала.

Вдалеке слышались чьи-то еле различимые голоса.

– Эй, сюда, тут кто-то лежит! – мужчина в темной куртке подбежал к неподвижному телу и, склонившись, нащупал пульс.

– Это девушка, она еще жива, позовите помощь, да поживей! – окрикнул он подоспевшего парня.

– И пусть вызовут полицию, – добавил вслед, – тут есть на что посмотреть, – в задумчивости пробормотал мужчина уже себе под нос, осматривая переломанные пальцы девушки и раны на лбу и затылке.

***

В больничной палате было тепло, яркий утренний свет освещал комнату, где размещались койка, два кресла, медицинское оборудование, стол с изобилием фруктов, цветов и графин с водой. За дверью слышалось какое-то движение. Голос регистратора по громкоговорителю напоминал визитерам о необходимости придерживаться часов посещения, соблюдать правила и распорядок, обязательность которого, казалось, уже ничто не может нарушить.

– Как ты себя чувствуешь? – в комнату тихо вошел худощавый мужчина в очках.

– Сломленной, раздавленной, будто по мне проехал бульдозер, – ответила Лора.

– Ну, судя по ранам и синякам, это был он, – усмехнувшись, заметил Эдвард, – может, попросить Кэтрин, чтобы она дала тебе еще обезболивающего?

– Нет, не стоит, наркологическая клиника мне сейчас не по карману, – Лора попыталась улыбнуться, но почувствовала боль в скулах.

Эдвард сочувственно вздохнул и с нежностью погладил девушку по волосам.

– Похоже, чувство юмора не пострадало, это радует, – заметил он, – поправляйся, ты сильная, выкарабкаешься!

– Нет, Эдвард, я слабачка. Раньше думала, что, случись со мной что-нибудь, буду сопротивляться, ни за что не запаникую, дам отпор и не позволю никому причинить себе боль. И что случилось? Я не кричала, а блеяла, я не сопротивлялась, а убегала, плакала вместо того, чтобы собраться с силами и что-то предпринять. Вела себя как трусиха, которая только и может, что пускать сопли и думать о спасении.

– Но ты думала о спасении. Избитая, все же нашла силы ползти, иначе бы замерзла в сугробе, – заметил Эдвард.

– Я рада, что ты так думаешь, Эдвард. Дай Бог, чтобы это было так.

Эдвард вздохнул и положил руки на колени.

– Понимаю, что сейчас не время, но с тобой хотят побеседовать полицейские, говорят, это очень важно, – доктор медленно подошел к двери и, обернувшись, с теплотой в голосе произнес:

– Мы все очень переживали за тебя, Лора, и рады, что все утряслось.

– Спасибо, Эдвард, – слабо улыбнувшись, кивнула Лора, – пригласи их, пожалуйста.

Первым в комнату с важным видом вошел высокий темнокожий мужчина с вьющимися волосами и белоснежными зубами. Несмотря на помятое выцветшее пальто и довольно несвежий темно-коричневый костюм, вошедший вел себя так, словно выполнял ответственную миссию, исход которой определил бы многое не только в стране, но и во всем мире. Двигался он стремительно, но в то же время легко и бесшумно, в этом человеке чувствовалась какая-то внутренняя сила, и на него, казалось, можно было положиться в трудную минуту.

Хотя Лора не считала себя таким уж знатоком человеческих натур, однако, в присутствии вошедшего она сразу же почувствовала себя в безопасности, и при этом ей особо запомнился его взгляд – внимательный и испытывающий, как будто тот хотел проникнуть в мозг девушки и прочитать ее мысли.

Второй был ничем не примечателен, молодой, невысокого роста, он неуверенно мялся возле открытой двери, видимо, не зная, что предпринять в дальнейшем, оттого вопрошающе глядел на своего босса.

– Мисс Дженнингс, меня зовут лейтенант Карент, а этот юноша стажер Патисон, – темнокожий мужчина кивнул беспомощному молодому человеку на стул в углу и снова обратился к девушке:

– Вы могли бы в мельчайших подробностях вспомнить и описать события того вечера, когда на вас напали в парке? Нам важны любые мелочи, прошу вас не торопиться, – детектив развернул кресло, стоящее у окна, и, пододвинув его к кровати, сел, достал из кармана маленький блокнот и карандаш и приготовился слушать.

– В тот вечер моя смена закончилась в семь, – собравшись с мыслями, начала Лора, – но мне пришлось задержаться: в отделение поступил тяжелый пациент с многочисленными травмами, ссадинами, ушибами и глубокой ножевой раной в области живота. Час мы над ним бились, но спасти его так и не удалось.

Лора перевела дух и, вздохнув, продолжила:

– Все время, пока мы его реанимировали, он был в сознании и постоянно хватал рукой меня за халат, пытался что-то сказать. Когда я склонилась над ним, стал говорить какие-то жуткие слова, непонятные фразы о каких-то талисманах, о ритуалах, упоминал несколько раз о каком-то перерождении и о куклах, которые таят в себе опасность. Затем резко стал всхлипывать, стонать и биться в конвульсиях, после нескольких минут агонии он умер. Я сообщила о смерти его жене и дочери, жена билась в истерике, а дочь даже не пошевелилась, как окаменела, бедняжка, тяжело воспринимать такую весть.

– И вы не обмолвились при них о его предсмертных речах? – поинтересовался детектив.

– Нет, это было ни к чему, для них его смерть уже была шоком, к чему сообщать о бредовых речах умирающего.

– Хорошо, мисс, что было дальше? – лейтенант с беспокойством поерзал в кресле.

– Я закончила около восьми, оделась, взяла свои вещи и отправилась домой. Обычно иду пешком через парк на электричку, которая доезжает практически до моего дома. – Лора замолчала, вспомнив темный пустынный парк. – По дороге я услышала шум и, обернувшись, увидела человека, который был совсем рядом со мной, он неожиданно ударил меня в бок, и я упала. Когда попыталась позвать на помощь, он ударил меня в живот, затем головой о землю, потом стал пинать ногами снова и снова (она почувствовала, как в глазах начало щипать, а в горле пересохло), а я лежала и только плакала от боли.

– Этот человек говорил с вами? Требовал что-нибудь? – осторожно спросил детектив.

– Да, – тихо ответила Лора, – он назвал меня по фамилии и потребовал, чтобы я отдала ему то, что мне не принадлежит, то, что у меня есть, – услышав эту фразу, лейтенант выпрямился и нахмурился. – Я просила, чтобы он объяснил, – продолжала девушка, – что это за вещь, но он только рассердился и стал меня избивать, деньги и документы его не интересовали, ему нужно было что-то конкретное.

Детектив, быстро сделав запись в блокноте, спросил:

– Вы хорошо разглядели этого мужчину, мисс Дженнингс? Сможете описать его и помочь составить фоторобот?

Девушка в ответ кивнула.

– Замечательно, тогда я сейчас же пришлю нашего художника, и он с вами поработает, – лейтенант протянул Лоре визитную карточку: – Если еще что-нибудь важное или странное вспомните, звоните по этому номеру, – детектив ткнул толстым пальцем в угол визитки. – Или вам захочется просто поговорить о случившемся, я всегда к вашим услугам, – подмигнув девушке, детектив резко встал и бодрым шагом направился к двери.

– Пойдемте, Патисон, – окликнул Карент юношу, все это время безмолвно сидевшего в углу комнаты, – мисс Дженнингс нужно отдохнуть, она столько пережила.

– Одно странно, лейтенант, – остановила их Лора, задумчиво теребя пальцами кончик одеяла, – телефон... я точно помню, как в начале смены положила его в карман пальто, но когда кинулась искать его в парке, ни в кармане, ни в сумочке его не оказалось.

– Мы проверим это, мисс Дженнингс, – ответил лейтенант, делая пометку в блокноте карандашом, – кстати, может, нужно позвонить вашим близким, родственникам?

– Нет, у меня никого нет, – устало пробормотала Лора и, отвернувшись к стенке, повторила, – никому звонить не надо.

***

В небольшом кабинете главного редактора газеты «Либерти» было душно, и в воздухе стоял навязчивый, резкий запах чьих-то духов. Внутри столпилось много народу, одни шумно переговаривались друг с другом, сопровождая умные речи активным жестикулированием, другие спокойно сидели за длинным столом, думая о своем или делая записи в тетрадах. Главный редактор задерживался, и многих беспокоило, что в последнее время у него это вошло в привычку. Некоторые списывали это на его довольно немолодой возраст (в августе прошлого года ему исполнилось 65 лет) и ухудшение здоровья, а те, кто не особо жаловал старика или имел на него зуб, шептались о его желании показать, кто в доме хозяин. Мартенс был и оставался главным редактором газеты еще с начала ее основания, и своим успехом газета обязана в основном ему. Но сейчас мало кто об этом вспоминал, слишком хорошо была отлажена схема работы, и казалось, это все происходит по инерции, а не по воле отдельного человека.

У окна, широко расставив ноги и засунув руки в карманы, стоял молодой человек и задумчиво раскачивался вперед-назад, совершенно не обращая никакого внимания на все, что происходило в комнате. За десять лет работы в редакции он много где побывал и много чего видел. Не раз этот журналист-бунтарь по имени Кевин Райт писал статьи, разоблачающие видных политиков, погрязших в коррупции, о знаменитых деятелях, совершающих гнусные делишки и при этом не понесших никакой ответственности. Однако дальше кабинета главного редактора эти компрометирующие статьи не проходили. Кевин собирал сведения, опрашивал людей, задавал вопросы, искал материалы, копался в архивах, в итоге писал «взрывоопасную» статью, приносил ее редактору Мартенсу, тот читал, анализировал, а на следующий день сообщал Кевину, что статья по тем или иным причинам не может быть опубликована. Кевин сердился, с пеной у рта доказывал, что свобода слова и печати закреплена была еще в Конституции США, приводил доводы о своей правоте, наконец, разъяренно хлопал дверью кабинета редактора, отчего стекла в окнах начинали предательски дрожать. После этого он кричал на всю редакцию, что не будет больше писать для такой продажной газетенки, и вообще нога его не ступит на порог редакции, где не ценят свободу слова. Проходило несколько дней, и редактор звонил Кевину с просьбой вернуться и обещанием опубликовать следующую его статью, но не столь компрометирующую, как предыдущая, или Кевин, поостыв, сам возвращался. И все начиналось заново. Сотрудники газеты, давно привыкшие к скандалам и экспен-

тричным выходкам этих двух упрямцев, спорили об исходе очередной стычки и делали ставки. Однако все заканчивалось как всегда, и ни одна из обличающих статей строптивного журналиста так и не была опубликована. Кевину разрешалось писать статьи о светских мероприятиях, о лояльном взгляде на то или иное событие, юмористические заметки о происходящем на улицах большого города, о ежегодных турнирах по гольфу и прочих, по мнению Кевина, мелочах, которые не могли оказать никакого влияния на людей и на текущие события.

Он проклинал себя, но ничего не мог поделать. Ему нужна была эта работа, чтобы платить за далеко не дешевую квартирку в престижном районе, машину, попойки с друзьями, устраиваемые им каждые выходные в клубах и барах, за дорогую одежду. В общем, он ни в чем себе не отказывал. Ограничивать себя было не в его правилах.

Ровно через тридцать минут после того, как все собрались, главные темы дня и недели были обсуждены. Многие уже потеряли терпение, как в кабинете, наконец-то, появился главный редактор. Здоровенный седоволосый толстяк двигался с шумной отдышкой и немного приволакивал за собой левую ногу. Дорогой серый костюм с иголки сидел на нем отлично, а красную мясистую шею обрамляла безупречно повязанная бабочка – ее он носил всегда, даже на выходные в своем загородном доме. Особое внимание заслуживали его туфли: новенькие, вылизанные идеально, они глянцевым блеском, казалось, указывали на то, что у их хозяина всегда все подчинено дисциплине и порядку.

– Садитесь, господа, – откашлявшись, обратился Мартенс к коллегам, – прошу прощение за опоздание, меня задержали в полиции.

– Какой, однако, прогресс, извинился за то, что мы тут торчим без толку, – язвительно отметил про себя Кевин и, обернувшись к редактору лицом, все же остался стоять, не переставая при этом раскачиваться из стороны в сторону. Кевин питал особую неприязнь к этому, по его мнению, напыщенному индюку, и тот, в свою очередь, догадываясь об этом, платил ему той же монетой.

– Мне сообщили, – продолжил тем временем Мартенс, – что 3 февраля сразу в нескольких местах, примерно с 8 до 9 вечера, было совершено нападение на пятерых человек, среди них трое пожилых людей, тинейджер и молодая женщина. Один мужчина от полученных ран скончался в больнице, подросток находится в критическом состоянии. Все нападения произошли по одной и той же схеме. Нападающие выслеживали своих жертв, наносили ножом удар в живот, избивали и бросали в безлюдных местах. При этом они требовали у своих жертв, я процитирую (надев очки, Мартенс достал из портфеля блокнот и стал читать): «Мужчина требовал отдать ему то, что мне не принадлежит, то, что у меня есть, однако, не объяснил, что это».

Редактор, сняв очки, продолжил:

– Естественно, жертвы не понимали ничего, и ничем хорошим это не закончилось. Итак, господа, я хочу, чтобы вы подготовили материал.

Мартенс обратился к высокому усатому блондину за столом:

– Кроуни! Отправляйся и сделай фотки с мест преступлений. Самую живописную поместим в статью.

– Левинс, я хочу, чтобы ты порылся в архивах, посмотри, не было ли за последний год подобных случаев.

– Райт, ты напишешь статью, все данные о потерпевших найдешь у Стивенсона, у него уже целые досье на каждого. Опроси пострадавших, только осторожно, они еще не оправились от пережитого, узнай у Карентла, нет ли по делу подозреваемых, правда, сомневаюсь, что он тебе это скажет.

– Ок, босс, – Кевин направился к двери.

– Райт, – окликнул его Мартенс, – давай на этот раз без бредовых теорий о всемирных заговорах, у нас нет времени на эту ерунду, – скривившись, многозначительно отчеканил Мартенс.

Кевин, не сказав ни слова, покинул комнату. Босс посмотрел вслед молодому человеку и, вздохнув, подумал, что несмотря ни на что, они оба профессионалы и что никакая личная неприязнь не должна навредить общему делу. Повторяя себе это, Мартенс погрузился в чтение блокнота.

В коридоре Кевина догнал Стивенсон. Журналист работал в газете всего год, но уже возмнил, что без него предприятие заглохнет в считанные секунды. Он писал неплохо и всегда старался добыть эксклюзивный материал, ради этого готов был землю рыть, лишь бы выслужаться перед шефом. Тот ценил расторопного парня, но ничего серьезного ему не поручал. Стивенсон считал это жуткой несправедливостью, но надежды не терял и всегда старался быть в курсе всех событий, в любой момент ожидая заполучить «бомбу», дабы написать статью, после которой шеф непременно во всеуслышание заявит, что парня недооценили и впредь такого не повторится. Но сегодня на планерке статья о нападениях опять досталась не ему, а этому Райту, которого Стивенсон недолюбливал, так как тот, несмотря на постоянные стычки с шефом, пользовался авторитетом в газете, да и был непредсказуемым человеком, связываться с которым Стивенсон не хотел. Всегда оставаться на нейтральной стороне – было негласным девизом молодого журналиста.

– Как все-таки странно, что шеф поручил эту статью именно тебе, Райт, – с досадой произнес Стивенсон, хлопая коллегу по плечу. – Я собирал данные, сделал досье. Оказывается, чтобы передать это тебе, уже готовенькое. И так каждый раз происходит, черт подери – несправедливо! Наверное, я в этой жизни чего-то не понимаю, – задумчиво протянул Стивенсон, подходя к столу с папками.

– Вот именно, приятель, – ответил Кевин, – ты в этой жизни ничего не понимаешь. Поэтому анализировать поручено мне, а ты будешь собирать данные. Да ладно, – Кевин улыбнулся, – мы ведь работаем на шефа, это наше общее дело, какая разница, кто будет обрабатывать. Мне, если честно, по барабану. Что у тебя? Выкладывай, – Кевин присел на край стола, скрестив руки на груди, и приготовился слушать.

– Итак, первая жертва, – Стивенсон открыл папку и начал перелистывать страницы, – известный гипнолог Морис Бент, поступив в больницу с тяжелыми травмами и глубокой ножевой раной в области живота, скончался в реанимации.

– У него есть семья? – уточнил Кевин.

– Да, жена Аманда и дочь Алисия.

После короткой паузы Стивенсон продолжил:

– Следующий потерпевший – мужчина 65 лет, пенсионер, проработал 25 лет пожарным в 56-м участке. За всю свою жизнь ни разу не привлекался, был добропорядочным законопослушным гражданином. У него жена, две дочери и сын, два внука. Все свободное время (а у него его, поверь, хоть отбавляй) посвящает выращиванию цветов у себя в саду и редко выходит из дома. На улице на него напал кто-то, избил и оставил на обочине. После того, как старик пролежал в сугробе минут двадцать, его заметил какой-то прохожий и вызвал скорую. Сейчас Дантел выписан из больницы и лечится дома.

– А как он оказался на этой улице? – спросил Кевин.

– Понятия не имею, что ему понадобилось, но там довольно небезопасно, да и от дома далековато. Тебе это предстоит у него выяснить, вот адрес, – Стивенсон протянул бумагу, на которой корявым почерком были указаны все данные.

– Ты не подумывал с такой отвратительной каллиграфией стать врачом? – усмехнулся Кевин, внимательно глядя в бумаги, – тут сам черт не разберет!

– Как-нибудь разберешься, – огрызнулся Стивенсон. – мужчина 70 лет оказался не таким крепким, умер сразу же, как его привезли в больницу. О нем мало что известно: зовут Патрик Слейн, в прошлом бывший военный, но рано ушел в отставку. Живет отшельником в квартире

где-то на отшибе, о его семье почти ничего неизвестно, была дочь, но она умерла еще лет десять назад. Это, пожалуй, все, что мне удалось о нем узнать.

– Следующий пострадавший, – продолжал Стивенсон, – 16-летний Спайк Льюис: из довольно богатой семьи, живет в престижном районе Ленинтон, учится в частной школе, играет в бейсбол за школьную команду. На парня напали около восьми часов вечера, когда он возвращался с тренировки. Ножевая рана в область живота, синяки по всему телу, ушибы, ссадины – парню крепко досталось, до сих пор в больнице, в коме, и никто не в курсе, выйдет он из нее или нет. Тебе нет резона туда ехать, отправляйся лучше к его родителям, хотя они в таком состоянии, что вряд ли могут что-то дельное поведать.

– Остается пятая жертва, Лора Дженнингс, – продолжил Стивенсон, перебирая записи, – доктор приемного отделения скорой помощи, ей 28 лет, окончила колледж, потом медицинский университет, устроилась в это отделение, до сих пор в нем и работала. После окончания смены отправилась через парк на станцию электрички, где на нее напал мужчина, избил и оставил там, но она выползла, ее заметил прохожий, который помог ей. Она еще в больнице, заливает раны, – усмехнувшись, подытожил Стивенсон, – на днях к ней приходили полицейские, и Дженнингс все события того вечера описала им в мельчайших подробностях, был составлен фоторобот нападавшего, мужчину объявили в розыск.

– Выходит, нападения произошли почти в одно и то же время в нескольких местах, расположенных далеко друг от друга, – сказал Кевин, внимательно изучая записи в папке, – с кем мы имеем дело? С группой ублюдков, у которых чешутся руки или, возможно, между жертвами есть какая-то связь, потому что на случайные нападения это не похоже.

– Да, и не забывай, что нападавшие требовали у жертв отдать то, что им не принадлежит. Значит, преступления были с мотивом. Как бы ни обстояло дело, оно уже не мое, дерзай, Райт! Я умываю руки, – Стивенсон снова хлопнул Кевина по плечу, давая понять, что разговор окончен и он не собирается больше задерживаться, – я передал тебе весь материал, дальше твоя работа.

Поблагодарив Стивенсона, Кевин кинул папку с записями в портфель и направился к лифту. Не спеша войдя в лифт, журналист поднял ворот пальто и в задумчивости начал застегивать пуговицы.

***

Лора пролежала в больнице неделю, изредка общаясь с коллегами. Думала о своей работе, вспоминала годы учебы в университете, строила планы на будущее, но старалась не вспоминать о том, что произошло с ней в парке. Она мысленно запретила себе возвращаться к этим событиям. И каждый раз, когда кто-нибудь начинал заговаривать с девушкой о произошедшем, пыталась уйти от этой щепетильной для нее темы.

Время от времени к ней в палату заглядывал Эдвард. Детектив Карент забежал еще раз, но уже без стажера и с оптимистическим видом сообщил, что расследование сдвинулось с мертвой точки и ему необходимо задать еще ряд важных вопросов, которые, возможно, прольют свет на случившееся. Из газет, которые приносил ей заботливый Эдвард, Лора узнала, что нападение было не единичным, еще в трех местах случилось нечто подобное. Старательно отгоняя прочь от себя неприятные мысли, Лора пыталась подумать о хорошем. О том, что уже через полтора года благодаря накоплениям (девушка методично каждый месяц откладывала с зарплаты деньги) сможет приобрести небольшой домик с четырьмя уютными комнатами, которые устроит под спальню, кабинет, столовую и гостиную. Домик представлялся еще более прекрасным ввиду своего расположения за городом, возле озера. Лора жила предвкушением, с удовольствием представляя, как все замечательно обустроит. И ей не придется больше снимать квартиры в сомнительных домах в не совсем благополучных районах и тратить на это деньги. У нее будет собственный дом! Эта мысль согревала ей душу даже в самые пасмурные дни.

Немного поправившись, Лора решила прогуляться по лужайке перед больничным комплексом и подышать морозным свежим воздухом. Двигалась девушка осторожно, при малейшем неверном движении ее тело начинало болеть, и требовалось немало времени, чтобы боль утихла. Присев на скамейку у газона, Лора подняла лицо, подставив его под солнце, выглянувшее на пару минут из-за туч, прикрыла глаза, задумалась...

Вдруг кто-то преградил солнечный свет. Перед Дженнингс остановился высокий молодой человек в длинном темном пальто. У незнакомца, были большие, несмотря на легкий прищур, серые глаза, темные брови, прямой нос, полные губы и волевой подбородок. Из-под шапки не было видно волос, но Лора почему-то подумала, что они непременно должны быть темно-русыми или черными. Незнакомец протянул руку девушке.

– Мисс Дженнингс, меня зовут Кевин Райт, я журналист из газеты «Либерти», прошу прощения, что тревожу вас в такой неподходящий момент, но я бы хотел поговорить с вами о событиях 3 февраля, когда на вас было совершено нападение.

«Только прессы мне еще не хватало», – с досадой подумала про себя Лора, но, не сказав этого вслух, приветливо улыбнулась и протянула журналисту руку:

– Я уже все давно рассказала полиции, мне добавить нечего, – ответила девушка.

– Да, я читал ваши показания, но все же хотел с вами лично побеседовать и задать некоторые вопросы, – заискивающе улыбнулся Кевин и кивнул на скамейку: – Можно мне сесть здесь, рядом с вами?

– Хм, пожалуйста, – Лора пожала плечами и выжидающе подняла брови, – ну, задавайте ваши вопросы.

– Спасибо, мисс Дженнингс, итак, – Кевин открыл портфель, заглянул туда, как бы вспоминая, что там хотел найти, – вы знаете кого-нибудь из жертв... – журналист виновато осекся, – простите, из людей, на кого было совершено нападение? Такие имена, как Спайк Льюис, Трэвис Дантел и Патрик Слейн вам ничего не говорят?

Лора покачала головой:

– Нет, я этих людей не знаю, их имена мне не кажутся знакомыми, может, конечно, они были в прошлом моими пациентами, – нахмурившись, Лора задумалась, – хотя нет, не думаю, я бы запомнила.

– Вам в последнее время кто-нибудь угрожал? – продолжил Кевин. – Кто-нибудь из пациентов или их родственников?

– В скорой, конечно, всякое случается, но нет, определенно я никого не знаю, кто бы мог желать мне смерти, – Лора поежилась, – и того человека, который на меня напал, я раньше никогда не видела, он мне незнаком.

Кевин достал из портфеля газету, развернул ее и подал девушке.

– Посмотрите внимательно вот на это фото.

Кевин ткнул пальцем на черно-белую фотографию сверху страницы:

– В этой статье написано, что сегодня ночью в придорожном мотеле на 65-м шоссе полиция обнаружила труп мужчины, который по описанию точь-в-точь подходит под фоторобот, составленный вами несколько дней назад, к тому же возле его кровати в мотеле нашли мобильный телефон, который зарегистрирован на имя Лоры Дженнингс.

– Это он, тот человек, который напал на меня в парке, – судорожно сглотнув комок в горле, сказала Лора.

– Да, и здесь, в статье, не сообщается, но из моих источников известно, – продолжал Кевин, – что в номере мужчины был найден пистолет, несколько каких-то талисманов и кукла из сырого теста.

– Что вы сказали, нашли куклу? – перебила журналиста девушка. – Вам известно, как он умер?

Кевин открыл блокнот и прочитал:

– Глубокая ножевая рана в область живота. По предварительной версии он умер от потери крови. Хотя пока не произведут вскрытие, ничего конкретного о причинах смерти мы не узнаем. Мужчину звали Риз Авегинс, ему 40 лет, работает садовником у частных лиц, отец двоих детей, женат, ни разу не был судим, исправно платит налоги и по воскресеньям посещает церковь, не человек, а прямо воплощение добродетели, – поморщившись, подытожил Кевин, – но, как говорится, мисс Дженнингс, в тихом омуте черти водятся.

Помолчав секунды три, Кевин внимательно посмотрел на девушку и спросил:

– А почему, услышав про найденную куклу, вы так всполошились? Вы что-то вспомнили? Или о чем-то догадались?

– Я не знаю, как это может быть связано, но все сходится, – в задумчивости пробормotala девушка. – В тот вечер ко мне поступил тяжелый пациент, я рассказывала это полиции. Его звали Морис Бент, у него была такая же ножевая рана, как у Авегинса, травмы, ушибы. И он, умирая, сообщил мне про какие-то талисманы, куклы, таящие в себе опасность, а еще упомянул о ритуалах перерождения. Я тогда не придавала значение его словам, сочтя их за бред умирающего, но сейчас понимаю, что это была не случайность.

Кевин молча взял газету из рук девушки и, быстро перелистнув несколько страниц, протянул ее Лоре:

– Вот, прочитайте в верхнем левом углу.

Лора увидела большой заголовок, выделенный жирным курсивом: **«Несчастья семьи Бентов продолжаются».**

Читая статью, она не верила своим глазам. Спустя всего неделю после смерти главы семейства Мориса Бента в их загородном доме была убита его жена Аманда Бент, а дочь Алисия без вести пропала и объявлена в розыск. Далее сообщалось, что преступники, по всей видимости, что-то искали, так как был перевернут весь дом. Соседи, услышав шум и звон разбившегося стекла, вызвали полицию. Однако ни криков, ни выстрелов они припомнить не смогли. Вспомнив истерику миссис Бент в больнице и фигуру ее дочери, бездвижно сидящую в кресле, Лоре вдруг стало не по себе, она почувствовала на мгновение какую-то невидимую связь с этими людьми.

Перечитывая статью снова и снова, Дженнингс внимательно всматривалась в буквы, словно надеялась увидеть между строк то, что не лежит на поверхности, а скрыто где-то здесь, под этими общими фразами и фактами. Ей казалось, что она что-то упустила. Что-то важное маячило прямо перед ней все это время, и в чем секрет этого, стоит искать именно ей. Эта мысль засела в голове девушки навязчивой идеей. Решительно отложив газету, она подняла голову и заявила журналисту, все это время неотрывно смотревшему на нее, что хочет помочь ему в расследовании. Кевин натянуто улыбнулся.

***

Ленингатон был престижным районом с солидными белыми особняками, непохожими друг на друга. У каждого домика за высокими заборами виднелись лужайки, сады, разбитые посередине площадки, бассейны различных форм, из гаражей выглядывали новенькие блестящие капоты отнюдь не дешевых авто. Изредка по лужайкам прогуливались жители особняков. Дамы в шикарных шубках и модных шляпках казались Кевину персонажами исторических книг. Здесь был свой внутренний мирок, и до того, что происходит «на большой земле», похоже, никому не было дела. Сидя за рулем своей любимой, но, к сожалению, не такой крутой машины, Кевин чувствовал себя здесь белой вороной. Однако утешил себя мыслью, что, возможно, продолжая пахать на Мартенса в газете, сможет прикупить себе такой особняк годам к 70, хотя, если реально посмотреть, Кевину удалось бы скопить только на гараж при таком доме. Горько усмехнувшись, Кевин припарковался у предпоследнего на улице дома и, срав-

нив адрес, указанный на почтовом ящике у дороги с записями в блокноте, вышел из машины. Посмотрев по сторонам и оглядев соседние особняки, Кевин направился к открытым воротам.

Навстречу ему шел, низко опустив голову, пожилой седовласый человек. Остановившись, Кевин громко крикнул мужчине:

– Здравствуйте, меня зовут Кевин Райт, я из газеты «Либерти», можно с вами поговорить о Спайке Льюисе? Я пишу статью о случившемся, и у меня возникли некоторые вопросы. Не были бы вы так любезны ответить на них, – Кевин с надеждой смотрел на старика.

Пожилой мужчина стал возиться с замком ворот.

– Извините, молодой человек, но, боюсь, вы не вовремя, мне нужно проведать внука Спайка в больнице, – промолвил мужчина. Но повернувшись к Кевину, он внимательно посмотрел на него и добавил:

– Однако если вы меня подвезете к больнице Northwest Medical Center, у нас будет достаточно времени, чтобы поговорить, но не так много времени, чтобы отвечать на вопросы, которые мне будут не по нутру, – мужчина пожал плечами.

Получив утвердительный кивок от журналиста, старик направился к машине Кевина.

– Но предупреждаю, не гоните сильно, я знаю, как вы, молодежь, любите лихачить.

– Нет, что вы, мистер Льюис, вы слишком ценный мой свидетель, – Кевин улыбнулся и завел двигатель. – Доставлю в целости и сохранности.

– Итак, мистер Льюис, – начал Кевин, – скажите, что ваш внук делал в том районе, когда на него напали, ведь это довольно далеко, да и район небезопасный. У него были там какие-то дела или может приятели, старые знакомые?

– Мы сами задавались этим вопросом. Вроде речь шла о каком-то собрании, ну, знаете, типа кружка по интересам. Спайк иногда ходил на групповую терапию, уж не знаю, чем они конкретно занимались, это была своего рода психологическая помощь – чтобы справиться с болезнью. Однако в тот день у него была тренировка. Но он зачем-то пошел на это собрание, хотя его нашли далеко от того места, где оно проходило. В общем, – подытожил Льюис, – я толком не знаю, где он был в тот вечер и чем занимался...

– Извините за личный вопрос, вы упомянули о какой-то болезни, Спайк был болен чем-то?

– Спайки рос здоровым умным мальчиком, – глубоко вздохнув, сказал Льюис, – он учился хорошо, играл в бейсбол, чтобы иметь хорошие рекомендации при поступлении в колледж. Но где-то два года назад родители Спайка стали замечать, что он хуже справляется с учебой, да и тренер бейсбольной школьной команды стал жаловаться на него. Мы сразу не придали этому значения, посчитав, что во всем виноват переходный возраст. Затем он перестал ходить на тренировки. Когда мы у него спросили, в чем дело, он вдруг вспылал и сказал, что не хочет больше заниматься тем, что ему не нравится. Мы тогда удивились, ведь бейсбол был, пожалуй, любимым его занятием. Мать записала Спайки на прием к психологу, который после общения с мальчиком посоветовал ему обследоваться. В тот день врачи поставили диагноз – болезнь Паркинсона.

– Но разве эта болезнь не развивается в пожилом возрасте? Я хочу сказать, что Спайки довольно молодой для этой болезни.

– Да, эта болезнь распространена в основном среди пожилых людей, но передается генетически и встречается у молодых. Скорее всего, она передалась ему от деда по отцовской линии. Год назад состояние Спайки резко ухудшилось, у него стали сильно дрожать руки, периодически стала замедляться речь. Иногда Спайки долго вставал с кровати, так как не мог пошевелить ногами, ему могло парализовать какую-то одну сторону. Когда принимал таблетки – ему на время становилось лучше, но у таблеток бывали побочные эффекты. К тому же у нашего когда-то жизнерадостного парня развилась депрессия, периодически случались психозы – в общем, он становился неуправляемым. Постоянно пытался всем вокруг доказать, что он пол-

ноценный, что может справляться с любой задачей и нечего его жалеть. Спайки постоянно повторял, что ему не нужна ничья помощь, и никаких поблажек не принимал.

– А давно он ходит на собрания, где ему оказывают психологическую помощь? – спросил Кевин.

– Где-то восемь месяцев назад он пришел домой и заявил, что записался в группу психологической помощи. Начали расспрашивать об этой группе, но он сам толком ничего не знал, потом мы решили, что может будет лучше, если кто-нибудь из профессионалов поможет Спайки справиться со стрессом. После первых посещений этих собраний, ему стало лучше, правда, в его веселом, возбужденном состоянии что-то мне казалось неискренним, знаете, как будто он пытался убедить себя, что все в порядке. И я думал, что, наверное, так будет лучше.

– А вы никогда не ходили в эту группу? Или знакомые Спайка с этих собраний бывали у вас?

– Нет, вообще Спайки не особо распространялся об этом, а мы боялись вмешиваться, поэтому я не знаю, чем они занимались и какие методы применяли, но могу сказать, что моему внуку становилось от этого легче.

А совсем недавно он вдруг стал нам говорить, что вылечится и поступит в колледж. А что мы могли? Мы только сокрушенно кивали головами и смотрели на него с сочувствием. Может, это давало ему шанс вернуться к нормальной жизни, а мы не хотели лишать его последней надежды, какой бы абсурдной она ни казалась.

– Я очень люблю своего внука, – еле сдерживая слезы проговорил старик, – и постоянно повторяю себе, что нужно было заболеть мне, тому, кто прожил счастливую бурную жизнь, а не молодому, совсем зеленому парнишке, который ничего еще не видел. Он не был студентом, еще ни разу не влюблялся, не становился отцом, не испытывал радости семейной жизни. Когда думаю об этом, у меня все внутри опускается, я не могу понять эту несправедливость. И меня не покидает чувство вины за это. Я не могу смотреть на его страдания, будучи здоровым.

Льюис помолчал немного.

– Высадите меня здесь, – махнул он рукой вправо, в сторону автобусной остановки.

– Знаете, – выходя из машины, сказал Льюис, – когда вы молоды и у вас все есть, трудно задумываться о том, что в один миг можете все это потерять или что в один прекрасный день вам будет плевать на все это. Когда мы узнали о болезни Спайка, поняли, что все планы относительно него рушатся. Что теперь уже совсем неважно, в какой колледж его отдадим, будет он играть в бейсбол или все силы отдаст учебе – нам все это вдруг показалось неважным. Но Спайк не отчаивался, он уверял нас, что проживет долго. А сейчас, – дед горько покачал головой, – мы молим Бога, чтобы Спайки хотя бы очнулся, чтобы попрощаться с ним.

– Мне очень жаль, – посочувствовал Кевин, – надеюсь, Спайк выкарабкается.

– Берегите себя, молодой человек, цените жизнь, она слишком дорога, чтобы распылаться попусту, – заключил Льюис и, прихрамывая, направился к больнице.

Стоя у машины, Кевин задумчиво смотрел на сторбленную фигуру удаляющего старика. Вокруг, извещая о скором наступлении весны, щебетали маленькие птицы, облепившие ветви деревьев, уже кое-где из-под снега стыдливо пробивалась трава, вдалеке слышались восторженные крики детей. Кевин не замечал ничего. Он неотрывно смотрел вслед старику, напоминавшему ему большой безобразный пенёк посреди молодого леса, на котором уже никогда не будет зеленеть трава.

***

Дом Патрик Слейна совсем не походил на богатый особняк в престижном районе, где еще час назад был Кевин. Скорее, это был типичный дом из трущобного района. Он выделялся грязным мерзким пятном на радужном фоне высоких новеньких зданий и абсолютно не вписывался в местный пейзаж. Окна в доме были старые, с облупившейся краской, а кое-где обхо-

дились и без них – зияли дыры, входная дверь болталась и пронзительно скрипела каждый раз, как к ней прикасались, балконы на верхних этажах обваливались, ремонтом здесь даже и не пахло.

От жительницы с первого этажа Кевин узнал, что дом давно пора было сносить, но администрация никак не могла договориться с жильцами, противостояние это длилось год, и на компромиссы ни одна из сторон не шла. А дом постепенно рушился, грозясь уже через несколько лет превратиться в руины.

– Они хотят дать нам компенсации, но что мы сможем купить на эти деньги? – возмущенно трещала высокая тучная женщина, размахивая руками.

Она набросилась на Кевина, словно коршун, пилотирующий свою жертву:

– Да вам известно, какая это сумма?! мы не в состоянии обеспечить себя достойным жильем, придется переселиться в какую-нибудь дыру. Кого они хотят обмануть?!

– А это разве не дыра? – усмехнувшись, заметил Кевин, обводя лестничную площадку жалостным взглядом. – Может, стоит согласиться, а то снесут здание и ничего взамен не предложат.

– Кто вас прислал? – прищурился, спросила женщина. – Вы один из них! Убирайтесь и передайте своим, чтоб не посылали шпионов.

– Нет, что вы, я журналист, – Кевин уже проклинал себя, что связался с этой разъяренной активисткой, – мне нужна квартира Патрика Слейна...

– Ага, вы пришли, чтобы покопаться в его вещах! – перебила дама, подозрительно подняв брови. – Тут уже побывала полиция, два дня околачивались, натоптали тут, а кто будет убирать? Вы знаете, сколько нам требуется сил и времени, чтобы ухаживать за этим старым домом?

– Да что вы, о каком уходе идет речь?! – презрительно фыркнул Кевин, поднимаясь по лестнице. – Оглянитесь вокруг, тут грязно и давно не было ремонта. Я такой дыры, как эта, в жизни не видывал.

– А откуда нам взять деньги на ремонт? – не сдавалась женщина. – Думаете, мы от хорошей жизни живем в таком доме. Послушайте меня, молодой человек, – крикнула дама, поднимаясь за Кевином и наблюдая, как тот брезгливо держится за перила двумя пальцами, – мы не всегда были такими. И у этого дома тоже была когда-то другая жизнь, вы нас не знаете, так и не осуждайте, не понимая, как мы тут живем.

Кевин обернулся.

– Да не осуждаю я вас. Я не из полиции и не из шпионов, о которых вы мне тут все уши прожужжали, а журналист. И мне сейчас нужна любая информация о вашем бывшем жильце Патрике Слейне: как он жил, есть ли у него родственники или друзья, чем он в последнее время занимался и приходил ли к нему кто-нибудь?

Женщина, выслушав Кевина, вновь затараторила:

– Я знала Патрика, он, конечно, был не из приветливых, но все же с ним пару раз общалась, могу, может, вам помочь.

– Миссис, извините, не знаю вашего имени.

– Зовите меня Долорес, – быстро подхватила дама.

– Итак, Долорес, – Кевин спустился на три ступеньки, – расскажите поподробнее, что он был за человек, с кем и как проводил время?

– Патрик, – начала женщина, – всегда, сколько его помню, жил один, никого к себе не приводил. О родственниках его ничего не слышала, иногда он выходил в магазин. Здесь неподалеку открыли большой супермаркет, – похвасталась Долорес. – Покупал молоко, хлеб, мясо он не любил, а может, не признавался, что просто денег не хватает. Но на бутылочку все-таки находил, правда, в последнее время он говорил, что бросил это дело. По пятницам Патрик посещал какие-то собрания, возвращался поздно, каждое утро гулял возле дома и ворчал, что его любимый парк вырубил и теперь здесь одни небоскребы. Конечно, строительным компа-

ниям глубоко плевать на потребности таких маленьких людишек, как мы, – снова завела свою шарманку Долорес, но Кевин перебил ее.

– А чем Патрик занимался? Откуда брал деньги на еду, оплату жилья?

– Да он пенсионер, ничем не занимался, а что ему делать в 70-то лет? – возмутилась Долорес. – Он ходил-то с трудом, у него была какая-то болезнь, Паркин... Как там дальше, не помню.

– Паркинсона? У него было заболевание Паркинсона? – нетерпеливо спросил Кевин.

– Да, Патрик сказал, что ему недолго осталось. Ну, жаль было старика, но все мы под Богом ходим.

– Долорес, вы упомянули о собраниях, которые посещал Патрик по пятницам, он случайно не рассказывал ничего об этом? Попробуйте припомнить, это очень важно, – Кевин с надеждой посмотрел на собеседницу, но та отрицательно покачала головой.

– А какие-то письма, сообщения на его имя приходили?

Долорес задумалась.

– Писем определенно не было, а вот пару недель назад ему прислали счет из какой-то клиники, – припомнила наблюдательная Долорес. – Я еще удивилась, откуда у старика такие деньги, никакой пенсии не хватит, чтобы заплатить даже половину.

– А какая это была сумма? – осторожно поинтересовался Кевин.

– Пятнадцать тысяч долларов. Патрик аж весь позеленел, когда увидел эту бумагу. Неудивительно, сама была бы в шоке. Я тогда спросила у него, за что с него требовали такие деньги, но он как-то странно на меня глянул и промолчал.

– А что это была за клиника, может, помните название или адрес?

– Нет, название я не рассмотрела и адрес, к сожалению, не запомнила.

– Может, он заказывал лекарства в клинике, чтобы как-то справиться со своей болезнью? – предположил Кевин.

– Да откуда мне знать, – с раздражением брякнула Долорес, – вы журналист, вот и выясните.

Вдруг дама резко замолчала. Широко раскрыв свои бледные серые глаза, она зашептала, чуть подавшись вперед, ближе к Кевину.

– Я знаю, кто на него напал! – ее вдруг осенило. – Это из администрации, убирают нас по очереди, по одному. О! Мы обречены!

Запричитав, женщина повернулась спиной к Кевину. Она забыла о нем, все ее мысли теперь были заняты безумной идеей, догадкой о заговоре ненавистной ей администрации против них – маленьких людей.

Кевину это было на руку, он узнал если не все, то почти все, что хотел. Журналист должен дорожить любой информацией, только через некоторое время он отсеет то, что не нужно. К тому же он отделался, наконец, от этой надоедливой параноички.

Уже через 20 минут Кевин спокойно сидел в уютном кафетерии и, поглощая горячий капучино с восхитительной пенкой и тающие во рту чудесные свежие круассаны, обдумывал полученные данные. Одновременно с этими, по его мнению, важными занятиями он перелистывал газеты, которые брал из пухлой стопки на столе и искал любую информацию, которая хотя бы косвенно относилась к совершенным нападениям.

Зазвонил мобильный. Кевин посмотрел на дисплей. Это была Лора.

– Райт слушает, – Кевин попытался придать голосу низких частот, чтобы звучать более солидно.

– Это Лора Дженнингс, вы посещали меня в больнице на днях.

– Да, я сохранил ваш номер в телефон, – приветливо заметил Кевин.

– Я тогда предложила вам свою помощь и хотела напомнить об этом, не могу сидеть сложа руки, полиция молчит, ничего никто рассказывать не хочет, а я хочу знать, в чем дело.

«Ну, теперь возомнит себя детективом, – подумал Кевин, – а может, ей от безделья деть себя некуда?»

Как бы прочитав мысли журналиста, Лора продолжила:

– На самом деле меня пока не пускают на работу, а я не знаю, чем себя занять. Не хочу сидеть без дела и жалеть себя. Не привыкла с детства, – решительно заявила Лора, – так что я с вами, а если откажете – замучаю бесконечными телефонными звонками.

Кевина позабавила напористость девушки.

«Да ладно, черт с ней, – подумал Кевин, – ну поболтается со мной пару деньков, поймет, что все безнадежно, потеряет интерес и вернется к своей прежней жизни, забыв все произошедшее как кошмарный сон».

– Хорошо, – согласился Кевин, – приезжайте на улицу Вилсон в кафетерий «Парадайс», я сижу недалеко от двери справа, хочу угостить вас кофе, заодно и разберемся, что к чему... – Кевин не успел закончить фразу, как услышал гудки в трубке.

Через 15 минут напротив него уже сидела Лора и быстро поглощая черный кофе без сахара, просматривала записи журналиста. Кевин поморщился, представив себе горький терпкий вкус: он сам всегда пил либо сладкий капучино, либо латте. По его мнению, напиток, даже алкогольный, должен был быть вкусным или хотя бы приятным на вкус. Хотя о вкусах не спорят. Это как маслины: кто-то их любит, а кто-то не может есть.

Пока девушка пила горький напиток, Кевин бессовестно разглядывал ее. Лору нельзя было назвать красавицей, но она была красивой. Такие не становятся моделями, но могут стать талантливыми актрисами – из-за своей внутренней красоты и индивидуальности. Если Лора улыбалась, то делала это искренне, простодушно, наивно, при этом улыбалось все лицо, в особенности глаза. Если она была чем-то недовольна или озадачена, ее губы сжимались, щеки втягивались, а между бровями появлялась глубокая морщинка, и глаза приобретали соответствующее выражение. На ее лице, казалось, было написано все, о чем она думала и что творилось в ее душе. У девушки были не совсем правильные черты лица, но это не портило всю картину. Кевину сразу понравились ее глаза – хамелеоны, в зависимости от освещения они становились то серыми, то зелеными с широкими темными зрачками. Взгляд был внимательным, испытывающим, порой недоверчивым и хитроватым.. Кевину вдруг захотелось больше узнать об этой обаятельной девушке, но он сознавал, что после совместного дела их ничего уже не будет связывать и, возможно, он ее больше никогда не увидит.

– Значит, между Спайком Льюисом, Патриком Слейном общее то, что у них было заболевание Паркинсона и они регулярно посещали какие-то собрания по психологической помощи? – Лора подняла голову, оторвавшись на секунду от изучения бумаг. – Вероятней всего, они познакомились там.

– Да, наверняка. Что касается болезни, это излечимо? – спросил Кевин.

– Есть лекарства, которые облегчают страдания больным, но излечить эту болезнь невозможно, некоторые умирают в течение пяти лет, другие в последующие пять лет, и лишь немногие переступили 15-летний рубеж. А что мистер Дантел? Он болен?

– Не знаю, еще к нему не ездил, звонил ему вчера, но он наотрез отказался со мной встретиться. А если нам сейчас к нему заявиться? – предложил Кевин, – думаю, увидев вас и узнав, что на вас напали, он согласится поговорить. Нажмем на жалость, сострадание, чувство солидарности с такой же жертвой, как и он.

– Как это благородно – ссылаться на то, что я жертва, – усмехнулась Лора, – может, мне еще всплакнуть, устроить истерику, пока вы будете в красках описывать этому человеку весь ужас моего положения?

– Ну и замечательно! Если можете, все средства хороши, – улыбнулся Кевин, – возможно, хотя бы так мы поймем, что произошло на самом деле.

– А произошло вот что. На пятерых человек в этот вечер было совершено нападение. Двое из них, как оказалось, были неизлечимо больны и посещали по пятницам собрания по психологической помощи. Другой связи между этими людьми я не вижу. Через неделю после этого умирает мужчина, который напал на меня, и к тому же убита жена Бента, а его дочь пропадает, – девушка задумчиво покачала головой. – Все это как-то связано между собой, нам нужно поговорить с Дантелом, он единственный, кто может нам что-то сообщить.

Кевин кивнул и окликнул официантку:

– Можно счет, пожалуйста.

Расплатившись наличными, Кевин вышел на улицу к уже ожидавшей его там девушке. В воздухе витал запах приближающейся грозы, об этом свидетельствовали и тяжелые темно-серые тучи на небе, и теплый влажный ветер. Вдруг Кевину захотелось закурить, но, вспомнив, каких трудов ему стоило бросить эту пагубную привычку, он подумал, что закурит только в особом случае: либо когда напьется в компании курящих друзей, либо когда сильно разнервничается. А сейчас он не нервничал. Однако какой уже день в нем не утихало чувство тревоги, неосознанное, смутное ощущение. Прямо как когда его оперированная в прошлом нога начинала ныть каждый раз при приближении грозы. Только на этот раз он чувствовал, что обычной грозой здесь не обойдется.

***

Мистер Дантел оказался высокомерным, брюзжащим, совершенно не следил ни за внешностью, ни за языком, и сразу не понравился Кевину, у которого был нюх на таких людей. Открыв двери с недовольным видом, сразу же захлопнул ее, едва Кевин раскрыл рот. И только после длинной речи Лоры Дантел соблаговолил их впустить. Проводив гостей до двора через весь дом, он сразу же предупредил, что не собирается отвечать на вопросы, которые ему не понравятся. Тряхнув седыми спутавшимися волосами, небрежно спадавшими на плечи, Дантел сел в кресло-качалку под высокой яблоней, поджал губы и выжидающе посмотрел на Лору. Кевина он как будто не замечал.

Лора сделала глубокий вдох и заговорила:

– Мистер Дантел, спасибо, что согласились выслушать нас. Меня зовут Лора Дженнингс, 3 февраля было совершено нападение на вас, на меня, Патрика Слейна, Спайка Льюиса и мистера Бента. Может вы вместе с ними посещали некие группы психологической помощи? Извините за такой вопрос, но это очень важно, вы страдаете какой-либо болезнью?

– Я здоров, – нехотя отчеканил Дантел и уставился немигающим взглядом на Кевина.

– Вы были знакомы с людьми, чьи имена я только что перечислила? – повторила Лора.

– Нет, – отмахнулся Дантел и добавил, – и никакие собрания я не посещал.

Лора в замешательстве замолчала и беспомощно посмотрела на Кевина.

– Подумайте хорошо, – осторожно вмешался Кевин, – все эти нападения не случайны, мы знаем, что преступники требовали отдать то, что им не принадлежит. У вас есть предположение, что бы это могло быть? Ведь вы как-то все связаны, я в этом уверен. И если бы вы, мистер Дантел, помогли мне понять, в чем дело, мы накрыли бы этих подонков. Ведь отмалчиваясь, вы тем самым способствуете тому, что они разгуливают по улицам нашего города, и, кто знает, может, повторят нападения. Помогите мне спасти потенциальных жертв, спасти людей.

– Сорок лет назад я поступил в пожарную службу, – наконец разоткровенничался Дантел, раскачиваясь в кресле, – тогда мне все это казалось романтическим. Вот, мы несемся в больших красных машинах с сиреной, люди перед нами разбегаются, машины уступают нам дорогу – нам, которые спешат на помощь обреченным людям, сгорающим заживо в своих маленьких квартирках. А когда оказываешься в горящем здании – думаешь только о том, как бы побыстрее выбраться из этого пекла. Пот застилает тебе глаза, ты начинаешь паниковать, и тут в голове, – Дантел ткнул в висок пальцем, – начинает пульсировать мысль, а что если не идти вперед, все

бросить и уйти?! Это как проверка на вшивость, испытание – чего ты стоишь?! Эй, парень, начинаешь себя убеждать, тебе платят деньги, чтобы ты рисковал, и там люди, которые рассчитывают на тебя. И ты идешь туда, потому что сказали туда идти, потому что это твоя работа.

Он бросил мрачный взгляд на журналиста.

– Знаете, однажды, еще в самом начале моей службы, мы отправились на вызов: горел жилой дом. Там, на третьем этаже, была самодельная лаборатория, где изготавливали наркотики, не знаю, что точно произошло, но когда мы приехали – почти все здание было объято пламенем. Полиция сообщила, что в доме осталась женщина с ребенком, напарник тут же отправился в дом, пока другие пожарные тушили огонь. Я бросился за ним в горящее здание. Мы поднялись на второй этаж и начали искать их. Напарник обнаружил женщину в постели, она наглоталась дыма, но еще была жива. Он подхватил ее на руки и побежал к выходу. В соседней комнате я нашел девочку лет семи, ее придавило балкой, я пытался вытащить ее, но все мои попытки были тщетны, а она кричала от боли. Девочка просила меня не бросать ее и смотрела с такой надеждой. Прошло столько лет, а я как сейчас помню эту белокурую девчушку с перепачканным сажей лицом, с голубыми испуганными глазами, – Дантел сокрушенно развел руками, – но, оказалось, я тогда боялся больше ее. Вы, наверное, думаете, что в тот день я проявил героизм, вынес из огня ребенка, получил благодарность, – он горько усмехнулся, – нет, я не смог ее вытащить, я просто струсил, убежал из дома, боясь за свою жизнь, оставил ребенка умирать в огне! А ведь она могла бы жить дальше, стать красивой женщиной, выйти замуж, родить детей, смогла бы, если бы тогда на моем месте оказался другой парень, который предпринял бы что-нибудь.

Дантел понуро опустил голову и продолжил:

– Думаю, это проклятием лежит на мне. Возможно, мне тогда было суждено умереть. Но я выбрался, выполз всем на удивление. Спросите меня, сожалею ли я о случившемся, отвечу «да», но если бы сейчас оказался в подобной ситуации, уверен, что поступил бы так же. Я такой человек – мне важна собственная шкура, а до других дела нет.

– Вот вы, – Дантел пристально посмотрел на журналиста, – вы так часто повторяете, что хотите узнать правду, что сами верите в это. На самом деле вся эта история – это ваша работа, что-то вроде игры, увлекательного приключения. Молодой человек, уверяю вас, ничего интересного в этом нет, всего лишь очередная история о выживании, пустых надеждах, обмане и лицемерии. Вы мне ничем не можете помочь, так какого черта я должен вам изливать душу?! Вы напишете несколько строчек и приступите к другой истории. Все довольно циклично!

– А вы, мисс? – Дантел встал с кресла и подошел к девушке. – Мне жаль, что с вами такое приключилось, но, послушайте, кого вы можете сейчас этим удивить? Мы живем в XX веке, веке насилия, обмана и жестокости, глупец тот, кто утверждает, что времена варварства давно ушли. Но ведь это не волнует вас, пока подобное не случится с вами. Человек считает, что весь мир сосредоточен только на нем одном, все крутится только вокруг него, важно то, что касается непосредственно его интересов. Когда друг хлопает вас по плечу и сочувствует вашим бедам, вы думаете, за его пустыми словами «я сожалею» кроется что-то существенное? Невозможно прочувствовать ситуацию, не оказавшись в ней самому лично, не испытав на своей шкуре эти ощущения. Так что, к чему лицемерить?

Закончив Дантел повернулся спиной к молодым людям и четко произнес:

– Можете меня больше не донимать своими вопросами, я ничего вам говорить не буду. – Указав рукой на выход, он так и остался стоять к ним спиной, делая вид, что занят созерцанием сада.

Лора и Кевин направились к выходу. Услышав, как за их спиной захлопнулась дверь, девушка обратилась к Кевину:

– Однако какой неприятный тип! И что нам теперь делать, он толком ничего не рассказал?!

– Завтра, – сказал Кевин, направляясь к машине у обочины, – попытаюсь связаться с родными Дантела, может, они окажутся более сговорчивыми. Надеюсь, это не семейная их черта. Слушай, насчет Бента, ты можешь узнать, была ли у него болезнь? Ты ведь, извини за каламбур, лечила его.

– Хорошо, посмотрю его медицинскую карту, подвези меня в больницу, здесь недалеко.

– Конечно, – ответил Кевин и вставил ключ в замок зажигания.

– Ты поверил Дантелу, когда он сказал, что не знаком с Льюисом, Слейном и Бентом? – спросила Лора, возясь с ремнем.

– Нет, Лора, если честно, я не поверил ничему, что он говорил, за исключением истории про оставленную девочку в пожаре. Я смотрел на этого человека и понимал, что он вполне на такое способен.

– Не стоит его осуждать, – вздохнула Лора, – неизвестно, как бы ты поступил на его месте. Это как когда отвечаешь на тесты в дешевых журналах, сидя на диване и представляя, как поступишь в той или иной ситуации, но, оказавшись в ней, можешь принять абсолютно противоположное решение. Так что не умничай.

Кевин усмехнулся:

– А у тебя таких ситуаций не было?

– Было что-то подобное. Однажды меня включили в состав выездной бригады скорой помощи. Мы приехали на срочный вызов спасти людей, оставшихся под завалами дома после землетрясения. Одному мужчине придавило ноги, я с ним где-то час билась, – задумчиво сказала Лора, – но не могу сказать, чтобы так сильно рисковала: я ползала в тот момент под завалами, но недолго, и это ведь было не горящее здание.

– И что, спасла?

– Кого? Мужчину? Да, а вот его жену спасатели вытащили полуживую, ее сразу же доставили в больницу, но она умерла. А на следующий день ко мне в отделение пришел этот мужчина, ее муж, и знаешь, что он сказал? «Не надо было меня спасать, я хотел бы умереть со своей женой»...

– Иногда в жизни случается все не так, как хочется, – заметил Кевин.

– У меня это происходит постоянно. Сверни здесь налево, поедем через эту улицу, так быстрее, – девушка махнула рукой в направлении примыкающего к главной улице переулка.

– Знаешь, Лора, мне кажется, что, вероятно, мы имеем дело с какой-то религиозной сектой или что-то в этом роде, – Кевин включил поворотник. – Ну, посуди сама, упоминание Бента о ритуалах, кукла, найденная в номере убитого Риза, странные собрания, о которых упорно не хочет говорить Дантел. И интересно, что никто не знает, что это были за собрания и чем там занимались. Я вот думаю, как мне найти адрес этой группы. Посмотрю в интернете объявления о подобных сборищах, обзвоню всех, может, наткнусь на то, что мне надо.

– Да, так и сделай, – сказала Лора, поглядывая в боковое зеркало, – ты не заметил, эта серая машина сзади едет за нами уже два квартала, сначала я подумала, что мне показалось, но она повернула вместе с нами на той улице.

– Ты поэтому предложила свернуть? Да, я тоже заметил эту машину, – Кевин сбавил газ. – Приехали, я тебе позвоню, и, Лора, будь осторожна, лучше держать язык за зубами.

Девушка кивнула и вышла из машины. Дождевые капли резко застучали по лобовому стеклу, начинался дождь. Кевин включил дворники и, посмотрев в зеркало заднего вида, заметил, что серая машина исчезла. Нажав посильней на газ, Кевин поставил любимый диск блюзов на полную катушку и задумался о своем. Предвкушая горячий душ и бокал красного вина, который ждал его дома, он с удовольствием подумал, что таким образом сможет расслабиться и посмотреть какую-нибудь тупую комедию или ужасы, где, как всегда, предскажет финал. Куда подевались картины с неожиданной развязкой? А может, он стал чересчур придиричивым? Лет 15 назад, будучи еще незрелым юнцом, он пугался фильмов про ужасного Крюгера, а сейчас

все эти кошмары казались ему комедией, неправдоподобной ерундой. В наше время ужасы и триллеры куда изощреннее. Может, заметил про себя Кевин, Дантел был прав, говоря, что наш век слишком реален, жесток и погряз в насилии, теперь никого ничем не удивишь. Звонок мобильного отвлек Кевина от мыслей.

– Привет, босс, – радушно поприветствовал Кевин, – соскучился по мне?

– Ни в коем случае, без тебя в редакции тихо и спокойно, так и узнаю, кто разлагает обстановку и вносит сумбур в жизнь газеты, – насмешливо прошепелявил Мартенс, – твоя статья движется, надеюсь? Я хочу, чтобы к понедельнику она была готова и со всеми фактами, описаниями и подтвержденной версией. Райт, повторяю, подтвержденной. Если у тебя нет проверенной версии, лучше вообще тогда не пиши. Я тебе устроил встречу у Карента, возможно, он тебе чего полезного сообщит, завтра в девять утра у него в кабинете. Надеюсь, дорогу туда помнишь?

– В девять утра? – переспросил Кевин. – Ну, тогда это испортит мне настроение на весь оставшийся день.

– Райт, ты сам виноват, что так плохо ладишь с людьми, – заметил Мартенс.

– Да брось, босс, Карента все недолюбливают.

– Согласен, но никому, кроме тебя, Райт, не пришло в голову заявить ему это в лицо. Тебя губит твоя чрезмерная прямолинейность. Там, где стоит промолчать, ты говоришь, что думаешь. Вот чего тебе не хватает – ди-пло-ма-тич-но-сти! – нравоучительно заявил Мартенс, отчеканив последнее слово по слогам.

– Ну, вот такой я есть, – огрызнулся Кевин, – это неподражаемый стиль моей работы.

– Скорее, это стиль твоей жизни, – хмыкнул Мартенс, – да, и я хочу, чтобы после встречи с Карентом ты забежал ко мне. Покажешь материалы, обсудим твою последующую работу. Только не забудь, – бросая трубку, брякнул Мартенс, как будто плохая память и непунктуальность были неотъемлемыми чертами характера Кевина.

Держа одной рукой руль, Кевин открыл портфель и начал шарить другой рукой в поисках своего блокнота. Вдруг он вспомнил, что оставил его во дворе у Дантела. Проклиная себя за такую оплошность, Кевин развернул машину и помчался по полупустой дороге в противоположную сторону. Дождь постепенно превращался из редкого морозящего в густой и плотный ливень, который стеной падал с темного неба. Кевин с досадой подумал, что, вероятно, его блокнот сейчас мокнет на столе во дворе, и к тому же Кевина не особо радовала еще одна встреча с Дантелом, который вполне может и не пустить к себе журналиста. Иногда он не понимал отношения некоторых людей к пишущей братии: что плохого, что он пытается докопаться до истины, помочь правде всплыть наружу. Хотя, бывает, копая глубже, случайно обнаруживаешь чье-то «грязное белье». Но ведь это и есть задача журналиста – разоблачать плохих парней и помогать хорошим. Последняя мысль заставила Кевина усмехнуться, звучала как в дешевом блокбастере.

Через десять минут Райт был уже на месте. Сквозь стену непрекращающегося ливня едва были видны очертания дома, который казался темным, серым и безжизненным. В окнах не горел свет, не доносилось ни звука. Кевин, держа портфель над головой, выскочил из машины и бегом добрался до двери, позвонил. Подождав немного и не услышав никаких признаков движения, он снова позвонил и постучал. Взялся за дверную ручку, осторожно повернул ее, и дверь легко открылась. Постояв в нерешительности секунд пять, Кевин медленно зашел и тихо закрыл за собой дверь. Свет решил не включать, опасаясь, что Дантел дома. Вообще было плохой идеей заходить в дом к этому безумцу, того и гляди, что пристрелит и ухом не поведет, скажет – нарушение частных владений. Но молодой человек решил: раз уж вошел, надо идти дальше. Пробрался через кухню во двор и направился к столику. Не обнаружив там ничего, кроме пустых стаканов и обшарпанного мокрого журнала, Кевин осмотрел кафельный пол под столиком, затем быстро обошел двор и вернулся обратно в дом. Оставляя

езде мокрые грязные следы, Кевин потоптался на кухне, обошел гостиную и поднялся на второй этаж. Дантела нигде не было, как и злополучного блокнота. Кевин застыл в нерешительности, не зная, что же предпринять. Скорее всего, Дантел увидел блокнот журналиста, взял его и куда-то уехал. А он тем временем топчется в чужой спальне и думает, что делать дальше. Кевин оглядел комнату и подошел к старому антикварному секретеру. Открыв верхний ящик, он обнаружил какие-то квитанции, несколько просроченных счетов за электричество, второй ящик был забит пыльными книгами и тетрадями. Порывшись в следующем ящике, Кевин наткнулся на пухлую папку. Открыл ее и начал читать. Простояв так пять минут, уткнувшись в папку и забыв, где находится, журналист задумчиво потер подбородок, осторожно положил бумаги на место и стремительно вышел из комнаты. Добравшись без приключений до своей квартиры и быстренько приняв душ, Кевин набрал номер.

– Алло, Дженнингс, – голос Кевина звучал напряженно, – знаешь, что я нашел в квартире Дантела?

– А ты разве не поехал домой после того, как высадил меня у больницы? – удивленно спросила Лора.

– Да, но, подъезжая к дому, обнаружил, что забыл свой блокнот во дворе у Дантела. Вернувшись к нему, никого не застал дома, там вообще было так жутко, как будто сроду никто не жил. Я осмотрел дом и, поднявшись в спальню, наткнулся на кое-что в его письменном столе.

– Ты что, рылся в его вещах?

– Нет, не рылся, а просто осмотрел несколько ящиков, – смущенно пробормотал журналист.

– И что ты там обнаружил?

– Его медицинскую карту. Догадайся, что там было написано.

– Диагноз – болезнь Паркинсона?

– Не совсем так, он был болен, но не этой болезнью, у него год назад нашли глиобластому. Но знаешь, что самое интересное? В этой карте было обследование, датированное двумя неделями назад, и там написано, что он здоров.

Сделав паузу, Лора в замешательстве заговорила:

– Подожди, как это? Он не мог излечиться от такой болезни, Кевин, это злокачественная опухоль мозга, которая просто так никуда не исчезнет. Даже хирургическая операция не дает положительного результата, а только может немного продлить пациенту жизнь.

– Нет, Лора, никакие операции ему не делали, он вообще отказался от химиотерапии, не говоря уже об операции. И год никаких записей, а тут вдруг это обследование – диагноз не подтвердился.

– Ну, тут одно объяснение: может, перепутали записи, у нас такое бывало, перепутают анализы пациентов и потом сообщают здоровому человеку, что у него смертельная болезнь. Только в той клинике, где ему делали недавно томограмму, должны были заинтересоваться, связаться с врачом, который год назад занимался Дантелом. Ты понимаешь, Кевин, не может человек излечиться от такой болезни, тем более за такой срок. Это невозможно, – не сдавалась Лора.

– Да, я знаю.

– Где ты сейчас?

– Дома, лежу на диване со своим красным другом.

– У тебя есть друзья-коммунисты? – усмехнулась в трубку девушка.

– Нет, это отличное красное бордо, шестидесятого года.

– Кстати, я достала карту Бента и... знаю, мы не договаривались насчет Риза Авегинса, но и его карту я тоже просмотрела.

Не дождавшись ответа, девушка затараторила:

– Так вот, они оба здоровы и ничем серьезным раньше не страдали, правда, Риз уже полтора года не был в больнице, так что наверняка нельзя сказать, но насчет Бента – точно.

– Ясно, – устало ответил Кевин, – я тебе завтра позвоню в первой половине дня. Пока, – положив трубку, он понял, что на самом деле ничего не ясно. Сев за компьютер и включив интернет, начал просматривать объявления о различных группах и собраниях. Записав адреса и телефоны, Кевин поднял трубку и собрался было звонить, но, взглянув на часы, мирно тикающие со стены, вздохнул и решил с этим повременить. Если бы какой-нибудь придурок решил позвонить ему в первом часу ночи – он бы явно не обрадовался. А Кевин не хотел так начинать диалог.

***

12 февраля выдался отличный солнечный денек. С запада дул теплый влажный ветер, а чистое, без единого облачка небо отливало бирюзовой свежестью. Повсюду люди в ярко-зеленых плащах убрали мусор и тяжелую мокрую листву, отчего в воздухе витал запах сырости и ледяной влаги, которая обжигала дыхание каждый раз, когда хотелось вздохнуть полной грудью. Солнце не палило, как летом, а грело, лаская своим теплом птиц, оккупировавших провода и деревья в парке, и людей, беззаботно прогуливающихся по чистым тротуарам вдоль уже зазеленевших лужаек.

Вместо того чтобы разделить их участь и погреться на солнце, поедая горячий хот-дог в парке, Кевин был вынужден изнывать от духоты в маленьком кабинете лейтенанта Карента и прислушиваться к шуму и движению за закрытой дверью в большом просторном холле полицейского участка, где стояли многочисленные одинаковые темно-коричневые столы, на каждом из которых настойчиво трезвонил телефон. Услышав зычный голос лейтенанта и его едва уловимые шаги, журналист выпрямился на стуле, как провинившийся школьник в кабинете директора, но спустя мгновение улыбнулся и вальяжно развалился на своем месте.

На пороге появился лейтенант. Ехидно ухмыльнувшись, он весело протянул:

– Так, так, так. Кого я вижу?! Бесстрашного журналиста Райта, борца за американские свободы. Чем мы можем быть полезны вашей персоне? – казалось, еще минута, и он сделает реверанс. Карент любил иногда покривляться перед Кевином. Однако, несмотря на то, что журналист выговаривал ему все в лицо, и не всегда приятные вещи, Райт нравился детективу, и, возможно, за их взаимными ехидными замечаниями и подколами скрывались затаенная симпатия и уважение друг к другу.

– Босс вчера звонил, сказал, что устроил нам встречу, чтобы ты мне рассказал, что нового у вас по делу о нападениях, – многозначительно ответил Кевин, – я занимаюсь статьей, по ходу тоже кое-что накопал, так что, может, устроим обмен информацией? Хотя сомневаюсь, что наша доблестная полиция занимается такими мелкими делами, погибло всего двое человек.

– Эх, Райт, поганый у тебя язык, – вздохнул Карент, – да, у нас очень много работы, много пока еще не раскрытых дел, но, уверяю тебя, мы занимаемся этим, как ты заметил, «мелким делом». В деле выплывают все новые и новые имена. Вчера мы нашли человека, нападавшего на Дантела, он абсолютно невменяем и на время помещен в психбольницу.

– Кто он? Установили личность?

– Да, его зовут Адам Кесли, живет по соседству с Дантелом. Задержали на шоссе в одном кафетерии, где он делал домики из вафель у себя в тарелке. Его фоторобот показывали по телику, так что хозяин закусочной без труда узнал Кесли.

– А почему после нападения Дантел сразу не сказал, что это был его сосед? – спросил Кевин.

– А он его не знал, может, видел пару раз, да не запомнил.

– И что, задержанного допрашивали?

– Пытались, но он только сидит на стуле и качается из стороны в сторону, бубня что-то под нос и пуская слюни, совсем, видать, чокнулся, хотя, может, притворяется, – Карент пожал плечами, – им займется доктор, и тогда выясним.

– Еще один интересный факт, – продолжал детектив, – от вдовы Риза Авегинса, ну, помнишь, который напал на женщину и потом был убит в мотеле, мы узнали, что он работал садовником в семье Бентов. А теперь скажи мне, Райт, похоже это все на случайные совпадения?

– А что насчет собраний, которые посещали все жертвы? Вы узнали что-нибудь о них? Кевин встал со стула и подошел к окну:

– Я выяснил, что почти все жертвы страдали смертельными болезнями, Слейн и Льюис – болезнью Паркинсона, у Дантела обнаружили год назад глиобластому, но чудесным образом он излечился от нее, о чем свидетельствует запись обследования, сделанного двумя неделями ранее. Дженнингс считает, что это ошибка одной из клиник. Она обещала сегодня обзвонить клиники и узнать что-нибудь конкретно.

– Дженнингс помогает тебе? – удивленно спросил Карент. – Ну, а что насчет нее, она ведь не больна?

– Нет, но дело даже не в этом. Все, кроме Дженнингс, посещали какие-то группы психологической помощи, где скорей всего познакомились или как-то были связаны между собой. Вам стоит это проверить, самое досадное, что мы никак не можем выяснить, что это была за группа, вчера встречались с Дантелом, но он наотрез отказался отвечать на вопросы. Может с полицией он будет повежливей.

– Хорошо, мы его уже допрашивали, но съездим сегодня к нему еще раз.

– Да, в мотеле возле убитого Авегинса нашли куклу из теста, а еще Дженнингс говорила про предсмертные речи Бента о ритуалах перерождения. Я нашел в интернете описание этих ритуалов, и там было написано, что в этих обрядах используют как раз такие куклы.

– Думаешь, тут замешана религиозная секта?

Кевин кивнул.

– Тьфу, черт подери! – в сердцах выругался детектив. – Только этого нам не хватало. Каждый раз, когда подобным занимаюсь, потом жутко возвращаться домой. Ведь это сумасшедшие фанатики, жаждущие крови и верящие, что делают правое дело. Ты не видел, что они со творили с вдовой Бента? Отвратительно!

– Его дочь так и не нашли?

– Нет, она пропала, и я сомневаюсь, что мы ее найдем. Либо она напугана и где-то залегла, либо эти типы ее увезли и неизвестно, что могли с ней сделать.

– Слушай, Карент, а могу я пройти в их дом, посмотреть вещи, бумаги, может на что-нибудь наткнусь? – осторожно спросил Кевин.

– Но там уже поработала полиция, что ты надеешься найти?

– Ну, я примерно догадываюсь, в каком направлении искать, так что, может, мне повезет. Лейтенант внимательно посмотрел на журналиста и, махнув рукой, сказал:

– Поступай, как хочешь, я ничего про это не знаю. Поймают, на меня не ссылайся.

– Спасибо, детектив, за оказанное доверие, пожалуй, я пойду, у меня встреча с боссом.

– Да, иди, передавай привет Мартенсу, – брякнул детектив и сел за свой стол, заваленный пухлыми папками с делами, и с тяжелым вздохом погрузился в изучение дела об изнасиловании молодой студентки. Прочитав первую страницу и пробормотав «черт подери, что же делается!», он обхватил голову руками и, опустив глаза, задумался о своей работе. В последнее время он часто размышлял о том, что он здесь делает, с кем борется и есть ли от этого польза. Старательно отгоняя от себя тревожные мысли и призывая разум не отвлекаться, он склонился над бумагами и, нахмурившись, продолжил чтение.

***

Остановившись на светофоре, Кевин нетерпеливо забарабанил пальцами по рулю. Вспоминая разговор с Мартенсом, состоявшийся чуть менее получаса назад в кабинете главного редактора, и то, с каким интересом тот рассматривал и изучал записи журналиста, Кевин усмехнулся и подумал, что, возможно, ему удастся распутать это дело и написать неплохую статью, которая заинтересует искушенных жителей большого города. Кевин уже воображал, как корреспонденты берут у него интервью, где он будет описывать, как же тайное стало явным, и все будут задаваться вопросом, как, обойдя в своем расследовании полицию, этот ушлый журналист смог додуматься до такого. Мечтательно вздохнув, Кевин нажал на газ и чуть не врезался в машину, которая буквально выскочила из ниоткуда, как черт из табакерки. Судорожно затормозив, он выругался. Когда дрожь в руках прошла, двинулся дальше. Проехал квартала три, свернул с главной улицы и сбавил скорость. Подъезжая к высокому белому зданию, с трудом напоминавшему жилой дом, журналист припарковался и медленно вышел из машины. Вход в дом был опечатан ярко-желтой лентой, в палисаднике толстым слоем лежала мокрая листва, у забора сиротливо валялся брошенный велосипед. Все окна в доме были зашторены. Вспомнив о событиях, произошедших в этом пустынном доме, по коже Кевина пробежали мурашки. Он медленно обошел дом и, заметив черный вход, решил, что ему как раз туда. Если он пойдет через парадный, увидят соседи, начнут задавать вопросы (к чему ему проблемы с полицией?). Райт без труда перемахнул через невысокий деревянный забор, подошел к маленькой двери, большая часть которой состояла из матового стекла. Прищурившись и не увидев никакого движения за дверью, он попытался ее открыть. Но дверь оказалась закрыта. Тогда Кевин натянул рукав пальто на кисть руки и, зажмурившись, ударил посильней – дверь поддалась.

Кевин зашел на кухню, но, решив, что здесь он вряд ли что полезное найдет, устремился в гостиную. Там осмотрел высокий дубовый шкаф и нашел множество фотографий с изображением некогда счастливой семьи. В спальне (по предположению Кевина – супружеской четы Бентов) он также ничего интересного не обнаружил. Райт вошел в спальню Алисии. Это была типичная комната молодой девушки. На стене (про себя Кевин ехидно назвал ее стеной плача) – яркие постеры с изображением певцов, смазливых мордашек актеров и несколько статей об успехе команды поддержки университета, где на фотографии Райт нашел Алисию Бент, которая улыбалась во весь рот и явно была чем-то довольна. Невольно улыбнувшись в ответ девушке, наивно смотрящей на него с настенной фотографии, Кевин подошел к столу и стал просматривать папки и тетради Алисии. Его заинтересовала одна папка, где пухлой пачкой лежали вырезки из газет и несколько снимков с улыбающимися людьми. В статьях говорилось о лечении болезней без лекарств и хирургических операций. Конкретно в статьях на методах лечения не останавливались, только несколько раз упоминалось о самовнушении, медитации и белой магии. Прочитав последние два слова, Кевин чуть не подпрыгнул. Зажав папку под мышкой, направился в соседнюю комнату, которая, судя по внушительной библиотеке и красивому письменному столу с высоким кожаным креслом, служила Бенту кабинетом. Мельком оглядев библиотеку и не узрев ничего, кроме похожих друг на друга книг, Райт принялся за осмотр стола, но ничего интересного не нашел. Увидев под столом урну, подумал, что не стоит брезговать копанием в мусоре. С трудом сдвинул урну и вдруг заметил маленькую черную педальку, почти незаметную даже при дневном свете. Нажав на нее ногой, Кевин услышал глухой щелчок где-то под столом. Нагнулся и увидел дополнительный ящик, в котором лежали две тоненькие папки.

И тут было на что посмотреть! В руках журналиста оказались записи полного описания ритуалов, материалы, которые должны использоваться при этом. Но особо Кевина заинтересовал список тех, кто участвовал в ритуалах. Дантел, Льюис, Слейн и Алисия Бент – их фамилии Кевин нашел среди многих других. Перебирая бумаги, Райт наткнулся на подробные отчеты о проведенных ритуалах. Кевину они чем-то напомнили протоколы судебных заседаний, кото-

рые он не раз просматривал в полицейском участке. Прихватив с собой и это, он засунул под пальто все собранные папки и вышел через черный вход, оглядываясь по сторонам, как вор. Кем он сейчас в принципе и являлся, заметил про себя журналист, направляясь быстрым шагом к машине.

По пути домой заехал в больницу к Лоре.

– Так ты все же поехал к Бентам? – спросила Лора, проводя журналиста в комнату отдыха, – у меня заканчивается смена через пять минут. Может, подождешь – заедем в кафе-терий какой-нибудь, все и обсудим.

– Нет уж, уволь, – Кевин поморщился, – у меня уже желудок сжимается при одном упоминании о еде в закусочных, давай поедем ко мне, там нам никто не помешает. К тому же у меня осталась вчерашняя индейка, она хоть и вчерашняя, но должна быть вкусная, пропиталась, наверное.

– Чем пропиталась? Вчерашним соусом? Ладно, уговорил, к тому же в этих закусочных не очень удобные сиденья, а красный друг будет? – с улыбкой спросила Лора.

– Да, только он тоже вчерашний... Ну, ведь это не шампанское, сойдет.

Не ответив, Лора вышла из комнаты. Кевин с удовольствием растянулся на кожаном диване и подумал, что напрасно больницы жалуются на скудное финансирование, имея такие диваны. Расслабившись впервые за этот напряженный день, журналист прикрыл на мгновение глаза, и перед ним сразу же замелькали лица людей, которых он встречал за день или о которых думал. Ему вспомнился Карент с ядовитой улыбкой и отчаянной грустью в глазах. Мартенс тыкал в него пальцем, вопя что-то ему в ухо, при этом туда-сюда расхаживала дочь Бента и повторяла как заводная, что ни в чем не виновата, а Дантел стоял и истерически хохотал прямо в лицо Кевину, который держал в руке шарик из сырого теста. Потом комната закрутилась перед ним, он беспомощно хватался за стены и мебель, но все ускользало от него снова и снова, в ушах у Кевина звенел смех Дантела, а за плечи кто-то тербил. Но, оборачиваясь, Кевин видел только вертящуюся комнату и Дантела, с издевкой глядевшего на него.

– Эй, проснись, – трясла журналиста Дженнингс, – да очнись же ты! Ты задремал.

– Мне приснился кошмар, – смущенно пробормотал Райт и торопливо поднявшись, стал натягивать на себя пальто, – бред какой-то.

– Бывает, – улыбнулась Лора. – Ладно, поехали.

Пять минут спустя, сидя у Кевина в машине, Дженнингс решила нарушить молчание и взбодрить задумчивого журналиста:

– Так что же ты выяснил в доме у Бентов?

– Мы были не правы, полагая, что Бент должен быть болен. На самом деле больна была его дочь Алисия, только я не в курсе, чем именно. В столе Бента я нашел описание ритуалов, их еще не успел изучить, мы этим сейчас займемся. Так вот, мельком взглянув, я обнаружил, что ритуалы проводил некий Лоуренс Пилт. И при этом вел строгую отчетность. В списках участвующих нашел и Льюиса, и Дантела, и Слейна, и еще несколько незнакомых фамилий. Скорей всего, этот Пилт обещал им с помощью белой магии исцеление.

– Да ладно, – недоверчиво сказала Лора, – неужели все эти люди могли поверить, что могут излечиться от таких смертельных болезней?

– Как раз могли. Ну, представь себе людей, отчаявшихся, потерянных, одиноких в своей горе. И вдруг какой-то добрый самаритянин обещает им исцеление, дает надежду, которую они уже, наверное, утратили. На фоне этого вполне можно чокнуться и согласиться на что угодно. А что в принципе им терять? Я, например, помню, читал книгу одной дамы, которая всерьез верила в то, что с помощью медитаций и самовнушения можно излечиться от рака. Сто пудов, вам такое не преподают в медицинском университете.

– Ага, – скептически сказала Лора, – только не говори, что и ты в это веришь.

– Ну, не скажу, конечно, что верю в возможное излечение, но все-таки самовнушение – штука серьезная. Это я не отрицаю. К тому же мы знаем о медицинском обследовании Дантела, в котором говорится, что он здоров. Ты, кстати, дозвонишься в эту клинику?

– В клинику, где ему поставили первоначальный диагноз глиобластомы, дозвонишься, там все подтвердили. Я разговаривала с доктором, вполне адекватный тип. А вот про клинику, которая обследовала недавно Дантела, ничего узнать не удалось. Ее как будто не существует. Никто не слышал, не видел и не бывал. И по адресу, который ты мне давал, числятся только прачечная и старый обувной магазин. Так что делай выводы.

– С выводами пока повременим. Уже почти приехали. Вот моя скромная лачуга.

Выходя из машины, Кевин взмахнул рукой, словно ему принадлежала не отдельная квартира, а весь многоэтажный дом. Поднявшись на десятый этаж по лифту, который двигался бесшумно и, казалось, просто зависал в воздухе, молодые люди вышли на лестничную площадку. Повозившись немного с ключами и замком, Кевин галантно пропустил в квартиру девушку. Лору удивил порядок, царивший в большой комнате, которая служила своему хозяину и кухней, и гостиной. Единственно, что, по мнению Лоры, портило облик комнаты, так это большая безобразная картина, которая своей пестротой и яркостью казалась чем-то неуместным и вульгарным и совершенно не вписывалась в светлые и мягкие тона интерьера. Заметив, как девушка уставилась на картину, Кевин решил, что та ей нравится, и хвастливо сказал:

– Это несравненный Пикассо, конечно, не оригинал, а всего лишь копия, но скажи, не правда ли – бесподобно?

Без особого восторга Дженнингс пожала плечами и с сожалением ответила:

– Мне больше нравятся пейзажи и натюрморты, – она пристально взглянула на картину и попыталась отыскать то бесподобное, что имел в виду журналист. Но, поняв, что это ей не под силу, отвернулась и сняла пальто.

Быстро подогрев индейку в микроволновке и достав начатую бутылку бордо, Кевин старательно расставил все это с фужерами и тарелками на журнальном столике посреди гостиной. Минут десять ушло у молодых людей на поглощение ужина, после чего Лора заварила чай, долго отыскивая необходимое в многочисленных шкафчиках на кухне. С чашкой горячего ароматного чаю Лора села на пол, а Кевин расположился на диване, достав все бумаги из своего портфеля и аккуратно разложив их на столе.

– Итак, – изрек Райт, – может хочешь сесть на диване?

– Нет, я люблю на полу, а так я усну. Ты ведь не хочешь тащить меня из своей квартиры на руках?

– Меня этим не напугаешь.

– Итак, – повторил Кевин, – начнем по порядку. Вот папка с вырезками статей, которые собирала Алисия Бент. Когда она заболела и узнала, что лечение бесполезно, стала искать сведения о нетрадиционной медицине и, по всей видимости, убедила отца этим заняться.

– Или отец, занимаясь этим, убедил ее воспользоваться таким шансом, а она сначала, не веря всему этому, собирала статьи, чтобы получить хоть какие-нибудь доказательства, – предположила Лора.

– Возможно и такое. Ритуалы, судя по записям, проводились по времени, – Кевин начал пролистывать обшарпанный зеленый журнал с желтыми страницами, – в прошлом году в сентябре, и в феврале этого года, только вот даты как-то коряво написаны, не пойму никак, что это: один или семь?

– Больше похоже на какой-то иероглиф, – Лора, прищурился глаза, потерла пальцем непонятную цифру.

– Да, и прошлогодние ритуалы проводились в другом городе, а февральские прошли, похоже, перед нападением 3 февраля, значит, это единичка, да, ритуалы прошли первого февраля, а третьего было совершено нападение, – подытожил Райт, потерев подбородок.

– Но как вся эта белиберда про ритуалы связана с нападениями? Я что-то совсем запуталась.

– А еще странное в этом деле то, что Авегинс, который напал на тебя, был садовником у Бентов, а на Дантела, как мне поведали в полиции, напал его сосед, которого Дантел за всю свою жизнь на этой улице (почему-то!) не видел. И я не пойму никак, как это все, черт подери, связано! Полиция сегодня обещала навестить Дантела и расспросить его о собраниях и убитых людях. Будем надеяться, что упрямый старик, наконец, заговорит и хотя бы что-то прояснится.

– Я думаю, Бент манипулировал людьми. Ну, представь: кучу напуганных, как ты правильно отметил, потерянных и убитых горем людей убеждает в исцелении человек, чья дочь внезапно излечивается от смертельного недуга, – Лора встала, поставила пустую чашку на стол и зашагала по комнате. – Он внушает им надежду, и таинственный Лоуренс Пилт проводит загадочные ритуалы белой магии. Затем появляется непонятная клиника (чудом затем пропавшая), где подтверждают слова Бента: «Поздравляем, сэр, улыбаются им мнимые врачи и медсестры, вы абсолютно здоровы!». Но на самом деле это не так, и вот тут начинается паника. Люди возмущаются, снова потеряв драгоценную надежду, и на этот раз окончательно. Только не пойму, во-первых, зачем было нападать на них? И, во-вторых, этот вопрос меня мучает не один день: при чем здесь я? Я не больна, не посещала никакие собрания, не участвовала в ритуалах. Что я должна была отдать Авегинсу?

– А мне не дает покоя вопрос, почему замешаны садовник Бентов и сосед Дантела.

– Ну, садовника, видимо, кто-то подкупил, а потом, не желая оставлять свидетелей, убрали его.

– Кто? – спросил Кевин. – У нас слишком много вопросов и нет ответов, и самое досадное, не знаю, что в дальнейшем предпринять, в какие двери стучаться. Мне в понедельник сдавать статью в редакцию, но я чувствую, что только начал что-то понимать.

Лора с сожалением посмотрела на Кевина и сказала:

– У тебя есть еще несколько дней. Извини, мне пора домой, уже поздно. Спасибо за ужин.

Она поправила кофту и подошла к шкафу, где висело ее пальто.

– Слушай, ты можешь остаться у меня. Расстелю тебе на диване, у меня есть чистое белье, а сам буду спать в спальне.

– У тебя есть спальня? – удивленно спросила Лора и махнула рукой влево, – я думала, у тебя там кладовка.

– Нет, у меня как у нормального человека есть спальня и даже, представь себе, ванная с туалетом.

Лора задумалась и представила, как будет одна идти по пустынным темным улицам и вздрагивать каждый раз, заслышав шорохи. Девушка поежилась и, улыбнувшись Кевину, кивнула.

На следующий день Кевин с утра убедил Карента, что им обоим будет выгодно сотрудничество и, таким образом «упав на хвост» лейтенанту, с довольным видом ехал в машине детектива и вертел головой. Кевину редко приходилось сидеть на пассажирском сиденье. Он водил машину постоянно, сколько себя помнил, с тех пор, как отец научил его этой премудрости. А за рулем не особо поглазеешь по сторонам. «Может, и к лучшему», – думал Кевин, рассматривая в окно серую толпу в одинаковых темных костюмах. Он видел напряженные лица людей, на которых не читалось ничего, кроме усталости, безнадеги и суровой задумчивости. Кевин повернул голову и внимательно посмотрел на сидящего за рулем детектива.

Карент, нахмурившись, сжал губы и всю дорогу молчал, изредка обмениваясь короткими репликами с журналистом и, очевидно, думал о чем-то своем.. Кевину вдруг стало жаль этого сурового человека, который всегда казался Райту справедливым и честным полицейским, вынужденным сталкиваться со всяким сбродом. Кевин сочувственно улыбнулся.

– Ты что, Райт, – Карент недовольно взглянул на мечтательно улыбающегося журналиста, – глазки мне строишь?

Кевин спустился с небес на землю и перестал улыбаться:

– Нет, просто задумался, замечтался.

– А! Наверное, о какой-нибудь красотке? Кто такая, работает в редакции, я ее знаю? – Карент, видимо, за пустой болтовней пытался скрыться от невеселых мыслей.

– Нет, я думал о тебе, – на слова Кевина детектив с досадой хмыкнул. – Подумал, что, несмотря на наши противоречия, считаю тебя честным и ответственным полицейским. И хотел бы выразить уважение. Скажу сразу, в редакции тебя не особо любят, наверное, за твою прямолинейность. И о тебе ходят неприятные слухи, но пиар, даже не очень хороший тоже на пользу, ведь так?

– Ну и ну, – задумчиво протянул детектив, – если ты меня так уважаешь и восхищаешься, чего же при всех в редакции орал на меня как потерпевший еще три недели назад? Думал, я забыл?

Кевин возмущенно развел руками.

– Ну, во-первых, я говорил только об уважении, ни о каком восхищении речи не было. А во-вторых, упрекал тебя за то, что твои ребята даже не потрудились обыскать квартиру этого извращенца, который, несмотря на все свои злодеяния, нисколько этого не стыдился и продолжал участвовать в предвыборной гонке. Из-за того, что ты не проследил за ними, никто не обыскивал квартиру, в которой, я уверен, была куча доказательств, чтобы упрятать этого подонка хотя бы на лет пять. В следующий раз, когда извращенец попытается бы вновь заняться своими грязными делишками, у него в мозгах отчетливо бы всплыли отнюдь не радужные воспоминания о тюремной жизни. А ты сам знаешь, как в тюрьмах поступают с такими, как он.

– А ты не задумывался, гений наш, что надо мной тоже стоит начальник?! Ты сейчас разговариваешь не с президентом, а с обычным лейтенантом, у которого власти и полномочий – во! – Карент быстро скрутил пухлые пальцы в дулю. – Думаешь, я такой дурак и не додумался бы сделать обыск? А сделав такое и потеряв работу, что бы я сказал своим жене и дочери? Вашего честного папашу уволили в самой середине карьеры. Знаешь, при всей своей честности я не согласен жить на жалкое пособие и сожалеть о том, что вовремя не придержал язык.

– Приехали, – буркнул лейтенант и, выйдя из машины, сразу же помчался к дому.

Кевина всегда удивляла в этом человеке энергия, которая, казалось, заряжала все вокруг и добавляла часы в сутки. За то время, пока Кевин отстегивал ремень и выходил из машины, Карент уже успел обойти дом и, кажется, постучаться во все окна.

На порог чистенького и приветливого домика с голубой черепичной крышей вышел высокий лысый мужчина, лет сорока примерно, с приятной открытой улыбкой и умными внимательными глазами. Пригласив гостей в дом, он извинился за беспорядок, которого Кевин нигде не обнаруживал – все вокруг блестело. Мужчина усадил Карента в кресло-качалку, очевидно, чтобы успокоить беспокойного детектива, который и в этом кресле умудрялся ерзать и скрипеть. Иногда Кевин удивлялся, как при такой непоседливости Карент дослужился до лейтенанта и к тому же довольно успешно справлялся с расследованием и раскрытием сложных дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.